

В Вихре Времён

ИНЖЕНЕР

Золотые
погоны

Андрей ВЕЛИЧКО

Кавказский принц

Андрей Величко

Инженер. Золотые погоны

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Инженер. Золотые погоны / А. Ф. Величко — «Махров»,
2018 — (Кавказский принц)

ISBN 978-5-04-094017-2

Советский инженер Найденов уже неплохо освоился в прошлом, построив в голом поле авиационный завод, но это оказался только первый, самый простой этап. Теперь настала пора помочь России избежать поражения в русско-японской войне, а для этого придется не только на пределе возможностей работать головой и руками, но и примерить на свои плечи золотые офицерские погоны, чтобы вести в бой российский воздушный флот. Воздушные бои идут с невиданным ожесточением, японцы не хотят отдавать небо русским варварам. А ведь единственная защита наших пилотов от разрывных пуль - тонкая фанерная обшивка аэроплана, а внизу ждут свинцовые волны холодного зимнего моря. Сможет ли простой инженер привести Россию к победе? Будущее покажет... Книга также издавалась под названием «Генерал Его Величества».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094017-2

© Величко А. Ф., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Величко

Инженер. Золотые погоны

© Величко А.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Поняв, что заснуть мне так и не удастся, я встал и оделся. За окном было темно, до рассвета оставалось часа полтора. Сунул было в зубы сигарету, но она сразу показалась натуральной мерзостью. Так и есть, простудился, вот ведь нехстати-то как...

Начало 1904 года в Гошином мире сильно отличалось от нашей реальности – главным образом отсутствием войны с японцами, ведь сегодня шестое, то есть теперь уже седьмое февраля! Правда, вчера они заявили о разрыве дипломатических отношений, так что завтра-послезавтра, глядишь, начнется...

Всю предыдущую неделю погода была абсолютно нелетной – шторм, иногда со снегом. Но вчера безобразие начало помаленьку утихать, пора выпускать разведчиков – взлететь можно и затемно, а над целью уже рассветет. Я распорядился по телефону, выслушал «есть» дежурного и собрался было положить трубку, как дежурный взволнованно закричал:

– Со стороны Артура какая-то стрельба!

– Узнайте, в чем дело, и доложите, – буркнул я, сильно подозревая, что мы имеем запоздавшую на неделю с лишним атаку миноносцев. Только почему под самое утро, им же трудно будет потом уйти, ведь рассветет скоро!

В течение следующего полчаса я выслушал несколько докладов о том, что не то «Цесаревич», не то «Ретвизан», не то оба вместе торпедированы, что «Паллада» обстреляна непонятно кем, береговые батареи лупят неизвестно куда и вроде в свете прожекторов мелькнул было вражеский миноносец, ибо все наши были на внутреннем рейде и мелькать никак не могли.

– Дежурную тройку – на разведку, – сказал я, глядя на начинающий светлеть горизонт. Похоже, наконец-то распогодилось... Прошло еще минут сорок.

Снова дзинькнул телефон. Уже с первых слов я понял, что – вот оно, и у нас началось!

– Объявляйте боевую тревогу, первую эскадрилью к вылету без бомб, остальных комэсков ко мне, – сказал я, вешая трубку.

Ситуация была не очень понятной. Только что разведчик сообщил, что неподалеку от скалы Рок он видит около двадцати «Варриоров» – так назывались английские бомбардировщики, аналоги наших «Пересветов», после чего связь с ним прервалась. Неужели он ухитрился сунуться под их пулеметы? Не новичок вроде...

Снова зазвонил телефон, и я услышал взволнованный голос дежурного:

– Третий НП сообщает – с северо-запада приближаются две девятки «Варь»!

– Первая эскадрилья, взлет, вторая, третья – готовность, – среагировал я.

Интересно, это те, которых видели у Рока? Вряд ли, тут даже «Бобики» долететь не успели бы... Выходит, другие. Откуда, япона мать, они взялись? А ведь сейчас аэродром начнут бомбить, подумал я. Первая эскадрилья – это, конечно, хорошие пилоты, командует ими сам Полозов, и две девятки «Варь» им на один укус, но ведь пока одних будут кусать, другие перед смертью точно успеют напакостить!

– Подготовить к взлету мой «Бобик», – скомандовал я. Как-то мне было не по себе, и вряд ли только из-за болезни... При бомбежке самое безопасное место – в воздухе.

– Вторая, третья – взлет, четвертая, пятая – готовность! Второй полк – есть какие-нибудь известия?

– Нет, в Чалиндзе пока все тихо, но боевая тревога объявлена.

– Пусть поднимают дежурное звено.

В этот момент из-за сопки выползла первая девятка японцев. Два были сбиты тут же, остальные пытались отстреливаться, но «Бобики» атаковали их или снизу, или спереди, то есть

из мертвых зон. Кажется, эти до аэродрома не доберутся... а вот эти уже добрались, блин! Рядом с КДП застучала зенитная спарка.

– Вторая, третья, вы-то куда смотрели! – рывкнул я и бросился к своему самолету. Мотор был уже заведен, и я сразу пошел на взлет. Ух, кажется, успел... Разворачиваясь после набора высоты, я увидел, как две «Вари» вышли точно на начало полосы. С них посыпались бомбы, и из клубов черного дыма полетели обломки задержавшегося на старте «Тузика»... Третья эскадрилья, то есть девять «Тузиков», кучей кинулись на врага. Правильно, что я туда не полез, затоптали бы, мелькнула мысль. Я попытался что-то скомандовать, но помешала дрожащая челюсть – то ли от озноба, то ли от возбуждения, то ли просто от страха... Наконец мне удалось справиться с речевым аппаратом.

– Я Дядя, – сообщил я. – Всем, кто в воздухе – да прекратите же вы метаться ошпаренными кошками! Спокойно крутите головами, смотрите, где противник, вспоминаете, чему вас в школе учили! Змей, организуйте наконец нормальный бой!

– Я НП-1, – слышался в наушниках голос наблюдателя с горы Ляотешань, – с юга к Артуру идут три «Скаута» и три «Вари»!

Я осмотрелся. Кажется, тут уже все более или менее ничего – обломки «Варь» догорают на аэродроме и около, у нас сбит один «Тузик» и два уничтожено на земле... пора посмотреть, что в Артуре делается. В конце концов, сбить «Скаут» будет полезно для имиджа и безопасно для здоровья, машина-то совершенно незащищенная...

Я связался с КДП и приказал поднять в воздух вторую эскадрилью второго полка, чтобы она летела к Артуру и там поступала под мое начало.

– Змей, – распорядился я, набирая высоту, – всем сесть, пополнить боезапас, дозаправиться и ждать либо дальнейших приказов, либо изменения обстановки.

На подлете к Артуру снова что-то заголосил НП-1, но я его уже не слушал. Действительно, летят, как и было обещано, три «Скаута» и три «Вари», а за ними еще штук пятьдесят, если не больше...

– Змей, – у меня пропал голос, я почти шептал, – всех в воздух и к Артуру, для охраны аэродрома оставить два звена «Тузиков».

– Я Лом, комэск два-два, – вступил в переговоры новый персонаж, – нахожусь прямо под вами, жду приказаний.

Так, у меня сейчас эскадрилья «Тузиков», то есть три звена-тройки... Вторая второго – это совсем новички или вроде у них было одно звено с предыдущего потока? Я осмотрелся сверху.

Японцы шли двумя группами – слева полтора десятка «Скаутов», справа неслучайная орава «Варь», и «Скауты» уже почти подошли к болтающемуся у самого фарватера кораблю, кажется, «Палладе». Надо бы их разогнать, но мне для этого пришлось бы пройти над строем «Варь»... Я просто не мог заставить себя повернуть налево. Да, одиночный «Пересвет», пусть и английский, машина не очень опасная, но пять десятков стволов... кто-нибудь да попадет. А вот первое звено расположено удачно, они могут и не соваться под огонь...

– Первое, атакуете «Скаутов»!

Случившееся внизу заставило меня застонать. Выгодно расположенное звено оказалось не первым, а вторым, и сейчас, выполняя мой приказ, первое шло прямо над строем японцев, под ураганным огнем.

– Второе, атакуйте! – заорал я и наконец вспомнил, в каком именно звене были сравнительно опытные летчики – именно во втором...

Второе звено поднырнуло под строй «Варь» и открыло огонь. Так как стрелки палили по первому, да и пилоты чуть повернули машины для их удобства, эффект атаки оказался огромным – несколько машин посыпались вниз, строй смешался, двое даже столкнулись...

– Третье, теперь вы по «Варям», сверху!

Они и без моей команды уже кинулись в свалку, и я поймал себя на мысли, что никому мои приказы не нужны, а я просто оттягиваю момент, когда надо будет броситься вниз, где стреляют...

Оставшийся от первого звена «Тузик» увлеченно гонял «Скауты», тут вроде все было терпимо – во всяком случае, им стало не до бомбежки «Паллады», которая уже горела.

Я сжал зубы и двинул было ручку от себя, но тут же снова перешел в горизонталь. Из-за близкого облачного фронта выплыло еще четыре самолета. Три были «Варями», а четвертый... Так вот ты какой, «Максим Голиаф»! Огромный двухэтажный триплан, вся верхняя надстройка которого ошетибилась пулеметами. И этот слон тащит две тонны бомб, вспомнил я отрывочные донесения Собакиной. А еще говорили, что с ним какие-то неприятности на испытаниях... у нас они будут, если эта туша прорвется в гавань! Но к нему же не подойдешь, стволы во все стороны торчат, разве только пусть его отвлекут...

– Второе звено, атакуйте «Голиаф» спереди!

Дальше я буквально оцепенел. Оставшиеся от второго звена два «Тузика» атаковали... именно атаковали, а не изобразили что-то для отвлечения стрелков – они пошли гиганту прямо в лоб. Первый палил из пулемета, второй шел не стреляя, видно, боезапас у него уже кончился. Вот от первого полетели обломки, и он закувыркался вниз, но второй сбить не успели – на месте «Тузика» и «Голиафа» вспухал огромный огненный шар... Ну что мне, уроду старому, помешало точнее выбрать слова – надо же было сказать «отвлеките внимание»!

А в следующий момент я понял, почему разведчик прервал свое донесение на полуслове – из-за облаков примерно в километре мористее и чуть выше меня вывалились две стремительные тупоносые тени и ринулись мне наперерез... «Спитфайры» ДХ-5, двухсотсильные бипланы-истребители, их же сделано всего шесть штук, и официально ни один япам не продавался!

Но случившийся на моих глазах таран наконец-то позволил мне сбросить оцепенение – вдруг все опасности стали глубоко по фигу. Стреляют? И пусть, в меня еще попасть надо. «Спитов» у японцев не может быть? Вот сейчас и не будет! Мотор уже визжал на форсаже, и я тянул ручку на себя. На виражах с бипланами лучше не тягаться, а вот как у вас с вертикальным маневром? Вижу, хреновато, да куда ж ты, дурашка, а ну-ка обратно в прицел... так, молодец, свободен. Второй где? В хвост решил зайти? Так надо было сначала скорость набрать, а теперь – боевой разворот, и вот он уже у тебя за спиной... ну и что ты головой мне тут вертишь, поздно уже, гори, дорогой, гори ясно. Вот и нету «Спитов»... но что-то не давало мне покоя, как будто забыл какую-то важную деталь. Ладно, потом вспомню, а что у нас там внизу делается? Опа, на горизонте дымы, не иначе сам господин Того хочет поучаствовать в празднике...

Оставшиеся «Вари» сбились в кучу и, отстреливаясь от двух последних «Тузиков», тянули в сторону Электрического утеса. Батареи вам, значит, не нравятся? Я дал ручку от себя, и «Бобик» ринулся вниз. У самой воды я вывел машину из пике, задрал нос... все правильно, не промахнулся, вот они, «Варины» брюхи, плывут надо мной... Патроны кончились раньше противников, но ненамного. Переходя в горизонталь, я вдруг вспомнил, что мне показалось неправильным. Тактической единицей для «Спитов» у англичан считалась тройка, и, значит, где-то рядом может быть третий... а у меня скорость всего сто двадцать и ноль патронов. Быстрее вниз, может, успею разогнаться... нет, поздно. Откуда-то возник «Спит», и на сей раз у него была скорость, а у меня ее как раз не было! Мой самолет вдруг сотрясли два удара подряд, меня бросило вперед... в плечо попал, гад! Левая рука была сброшена с газа и висела плетью, я ее даже не чувствовал. Все, сейчас добьет, вверх пока рано, скорость всего сто семьдесят... а, ладно. Я рванул ручку на себя. Не оборачиваясь, я чувствовал, что проклятый «Спит» не отстает, но сделать ничего не мог... скорость падала. Пора сваливать машину на крыло, пока она сама не свалилась в штопор! Перед глазами плыли красные круги, но я был почему-то все еще жив, «Спит» исчез... Однако надо было срочно что-то делать – мотор наполовину сбросил

мощность и гремел, как ведро с гайками, – то ли его задело, то ли он сам развалился, да и я того и гляди потеряю сознание, до аэродрома мне не дотянуть. А что подо мной, Тигровая коса? Вот туда и надо. Так, чуть левее... мотор заглох, я попытался выровнять машину, но получилось плохо. Удар о землю, треск разваливающегося шасси... Я повис на ремнях и с каким-то отстраненным интересом смотрел, как из пробитого бака на гальку течет веселая струйка. Ну вот, сейчас и согреюсь, подумал я напоследок и отрубился.

* * *

9 февраля 1904 года в Порт-Артурском дворце наместника Дальнего Востока состоялось совещание – надо было подвести итоги первого дня начавшейся войны. Для флота они были неутешительными...

Вся эскадра, за исключением дозора, в момент атаки находилась на внутреннем рейде. Этот дозор не заметил японские миноносцы в сопровождении двух транспортов, а береговые батареи хоть и заметили, но приняли за возвращающийся дозор. В результате два миноносца пророскочили на внутренний рейд, а следующее за ними судно развернулось поперек фарватера и начало тонуть. Второе удалось утопить при подходе.

Миноносцы выпустили торпеды в упор, да еще по освещенным целям, и добились попадания в «Ретвизан» и «Цесаревич», причем «Ретвизан» оказался поврежден весьма серьезно. Правда, миноносцам уйти не дали. Но один, поняв, что все равно утонят, взорвался сам – аккуратно рядом с только что затопившимся транспортом...

Так что теперь внутренний рейд Порт-Артура могли покинуть только миноносцы и канонерки – ну, может быть, еще и «Новик», в прилив и при определенном везении.

– Теперь перейдем к действиям авиации, – подвел итог обсуждению флотских вопросов наместник. – У меня сложилось впечатление, что, несмотря на некоторые несущественные (адмирал Макаров покачал головой) ошибки генерал-лейтенанта Найденова, она действовала успешно... господин генерал-майор, вы что-то хотите сказать?

Командир второй авиационной дивизии генерал-майор Михаил Романов встал:

– Да, господин генерал от авиации. Моя группа собрала самые полные сведения о позавчерашнем воздушном бое. Свидетелей более чем достаточно, мы смогли расписать по секундам положение каждого самолета. Вот схемы... Итак. Генерал-лейтенант принял решение руководить боем не с КДП, а с воздуха. Учитывая отсутствие боевого опыта у всех без исключения пилотов, я считаю его правильным. Сначала он обеспечил безопасность аэродрома, а затем выдвинулся к Порт-Артуру – уточняя, еще до поступления сведений о подлете основной армады. Далее, его распоряжение первому звену пролететь над строем... следующая минута показала, что иначе было нельзя. Жестоко, конечно, но первое звено состояло из наименее опытных летчиков, вряд ли они смогли бы нанести существенный ущерб «Варриорам», а так они дали возможность сделать это второму звену. Затем – самый спорный момент...

Генерал-майор бросил косой взгляд на Макарова.

– Да уж, вздохнул тот, – пожертвовать... ну прямо как двумя пешками в обмен на ферзя!

– Мне непонятно, – сухо сказал генерал-майор, – почему вы считаете лейтенанта Ломакина и сержанта Красновского пешками. Это офицеры ИВВФ, дававшие присягу! И исполнившие ее именно так, как подобает офицерам. Получив приказ, они выполнили его точно и в срок. Смотрите сюда, – Михаил расправил на столе один из листов. – Три десятка «Варриоров» продолжают лететь к Электрическому утесу. Даже семь прорвавшихся натворили там бед, а что было бы с батареями, долети все тридцать? «Голиаф» с сопровождающими держит курс на внутренний рейд – а там не только вся эскадра, но и танкер с двумя тысячами тонн бензина и тремя солжарки! И вот здесь – два «Спитфайра». Если бы генерал-лейтенант атаковал

«Голиаф», то почти наверняка он бы его сбил, но при этом растратил бы весь боезапас! Далее его сбили бы «Спитфайры», а уж разделаться с двумя «Тузиками» им нетрудно. Результат по нашим потерям был бы тем же самым, но тогда все «Варриоры» прорвались бы к батареям!

Михаил отложил лист, взял следующий и продолжил:

– Нужно обратить внимание еще на одну тонкость. Вот траектория командирского «Бобика» – он идет прямо на «Спитфайры». И в момент отдачи приказа о таране он отвернул, но потом сразу вернулся на курс! Этому может быть только одно объяснение – генерал-лейтенант не был до конца уверен, что его приказ будет выполнен. Мне стыдно думать, что он сомневался в подготовленных нами летчиках, но... наверное, он имел на это право, ведь до сих пор случаев убедиться не было.

И наконец, – Михаил отложил бумаги, – финал боя. Командовать генерал-лейтенанту осталось только собой, кроме него в воздухе всего один «Тузик» с летчиком-новичком и без патронов. И себе он отдал столь же жестокий, как и подчиненным, приказ, и столь же точно его выполнил. Оставшийся «Спитфайр» представлял опасность только для него – и он без колебаний расстрелял весь боезапас по «Варриорам».

– А откуда он знал про третий «Спитфайр»? – удивился Макаров.

– Еще за две недели до этого, – сказал Михаил, – на тактических занятиях он говорил нам, что «Спитфайры» летают тройками.

– Кстати, – спросил Макаров, – а как генерал-лейтенанту удалось его сбить?

Ему ответил наместник:

– Заманил на вертикаль. Тут надо очень тонко чувствовать скорость, иначе сорвешься в штопор. Вот японец и сорвался.

– В общем, – подвел итог своему выступлению Михаил, – я считаю, что генерал-лейтенант Найденов не допустил ни одной ошибки. Более того, по вполне понятным причинам до сих пор в авиации не было конкретных примеров грамотного руководства воздушным боем. Теперь такой пример есть, и я предлагаю распространить его по всем подразделениям ИВВФ.

* * *

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 16 февраля 1904 года:

Наш корреспондент в Порт-Артуре сообщает: 7 февраля в воздушном бою был убит генерал-лейтенант Найденов. Большие жертвы среди летчиков и моряков. Город Порт-Артур сильно разрушен. Другие подробности неизвестны.

* * *

Письмо ЕИВ Вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 26 февраля 1904 года:

Здравствуй, дорогой Джордж. Наконец-то мне описали состояние твоего здоровья и подробности того боя. Боже мой, чего только не пишут в газетах! Спасибо милой Т., она еще 9-го числа позвонила мне и сказала, чтобы я не верила никаким сообщениям о твоей гибели.

Я не все поняла в описании воздушного сражения, где ты был ранен, но главное не вызывает сомнений – ты все сделал правильно, Мишель прислал в Гатчинский авиаотряд подробное описание твоих действий с пояснениями, почему в каждый момент времени можно было поступать только так. Я знаю, как ты не любишь громких слов, но позволь все же сказать: я горжусь тобой. Кстати, Мишель мне написал – он уверен, что это не первая твоя война и не

первый бой. Тешу себя надеждой, что когда-нибудь ты расскажешь мне о себе, а то ведь после двух лет знакомства я по-прежнему почти ничего о тебе не знаю...

Я не буду тебя просить меньше летать или летать осторожней – я понимаю, что такое долг. Просто помни, что в Петербурге тебя ждет хоть и не очень молодая, но все же надеющаяся на малую толику счастья женщина.

Выздоровливай побыстрее.

Твоя Мари.

Глава 1

– Проходите, дамы и господа, садитесь, почувствуйте себя как дома. Чай, кофе, лимонад, сигареты – вот они. Надеюсь, знакомить мне вас не надо?

– Ну что вы, Георгий Андреевич, как я могу не знать такую женщину?

– Ах, Беня, вы меня буквально вгоняете в краску, – вздохнула Татьяна.

Встреча в моем кабинете была не то чтобы исторической, но, скажем так, не совсем обычной. Мое положение в России начала двадцатого века неплохо подходило под определение «олигарх» – достаточно высокая должность, знакомства в высших правительственных кругах и нехилый финансовый вес. Насколько я в курсе, любой уважающий себя олигарх должен иметь свою личную спецслужбу. Я, будучи в душе немножко перестраховщиком, сейчас, то есть в середине лета 1902 года, на всякий случай имел их две.

Шестой отдел Службы безопасности официально представлял собой группу моих личных порученцев и охранников, численностью рыл двадцать. Ими командовал ушлый одессит Беня, и не только ими, но еще и примерно тремястами другими, в штатном расписании не зафиксированными.

А еще в Георгиевске с моей подачи появилась очень прогрессивная организация, аналогов которой пока не было ни в просвещенной Европе, ни в свободолюбивой Америке – Департамент охраны материнства и детства. Естественно, что такие архиважные вопросы, как охрана материнства, а особенно детства, трактовались весьма широко... Этот нелегкий груз гордо несла на своих прекрасных плечах Татьяна Князева.

Ну и, понятное дело, обе службы с энтузиазмом присматривали друг за другом, во избежание. А вот сегодня их руководители впервые встретились в официальной и в какой-то мере дружественной обстановке.

– Собрал я вас потому, – сообщил им я, закуривая, – что настала пора от решения частных задач, пусть и очень важных, переходить к общим. У России, а значит и у нас с вами, есть враги внешние и внутренние. Тонкость тут в том, что даже они сами часто не знают, к какой из этих категорий относятся, поэтому разделять задачи я счел лишним. Наоборот, потребуется тесная координация всех прогрессивных сил, то есть обеих ваших контор... Итак, имеются различные подрывные элементы, они же революционеры. Имеются разведки вероятных противников. Я не верю, что этих двоих не тянет друг к другу – наверняка ищут подходы, если уже не нашли! Значит, в этот процесс пора вклиниться и нам. В конце концов, какая разница тем же эсерам, в Токио или на Алтае родился полковник японского генштаба, от которого они получают задания и деньги? А если в упомянутом Токио кто-то решит профинансировать российских борцов за права трудового народа – мы к его услугам! Мало того, что не откажемся от денег, но и в ответ можем поделиться информацией. Наконец, есть еще и третья сила, высшее чиновничество и высшая знать. Среди них очень много людей, с которыми в будущем возможны конфликты, вот список. И надо заранее озаботиться хорошими, доказательными материалами и о связях этих людей со всеми возможными разведками, и о их революционно-подрывной деятельности. Здесь будут уместны как скрупулезные расследования уже случившихся прискорбных фактов, так и некоторый полет фантазии. В общем, подумайте, посоветуйтесь... Спешка тут не нужна, но и затягивать ни к чему. При необходимости подключить информбюро – обращайтесь ко мне, скорее всего решение будет положительным.

Разумеется, я не стал говорить своим гостям, что для присмотра за их совместной деятельностью создается еще одна, третья служба, совсем небольшая... Чай не маленькие, сами догадаются.

Прожив в этом мире первые полгода, я с некоторым удивлением заметил, что в качестве родного дома он нравится мне куда больше, чем покинутый. А уж любой новосел не даст мне соврать – даже если в новом жилище и есть все необходимое (чего не бывает), то как минимум оно расположено не в том порядке и требует перестановки. Вот я и начал – сперва потихоньку, с авиации...

Мало того, что самолеты всегда были одним из моих увлечений, так это еще был и достаточно быстрый путь для обретения Гошей политического веса – общество теперь воспринимало его не только как одного из великих князей (а более информированные – и одного из самых богатых людей России), но в основном как покорителя пятого океана, нашедшего инженера Найденова и с его помощью открывшего человечеству дорогу в небо. Тут, однако, была зарыта небольшая собачка – авиация не должна прятаться, она должна быть на виду! А значит, наши зарубежные друзья и прочие соседи в ближайшее время могли не только догнать нас в этой области, но благодаря более развитой промышленности и перегнать. Поэтому на всеобщее обозрение были выставлены максимально уродливые самолеты, в которых соотношению грузоподъемности к весу приносились в жертву все остальные параметры. И вроде пока весь мир считал, что так и надо, все ведущие мировые авиаконструкторы (ровно два – де Хэвилленд и Максим) совершенствовали свои девайсы именно в этом направлении. Хорошо совершенствовали, у меня аж душа радовалась при каждом получении подробностей об их творчестве! Более того, сейчас в качестве авиационных моторов все видели исключительно двухтактники, тратя немалые средства как на добычу секретов с нашего моторного завода, так и на свои разработки.

Правда, уже ясно было видно, что я недооценил одну тонкость. Дело в том, что несколько первых английских аэропланов успели принять участие в бурской войне и очень неплохо там себя показали. Причем они использовались не только как разведчики, но под конец и как бомбардировщики! Был получен первый опыт боевого применения самолетов, и он даже начал осмысляться... То есть англичане уже четко делили авиацию как минимум на два класса и, по моим сведениям, начали задумываться над концепцией третьего, то есть истребительного. А тут еще Конан-Дойль, и чего ему здесь про затерянные миры не писалось! С войны он вернулся ярким энтузиастом-авиатором, разразился серией статей о новой эре в развитии военного искусства, и, блин, вскоре даже Шерлок Холмс раскрыл очередное преступление методом осмотра местности с аэроплана. В результате, по крайней мере в Англии, авиация имела государственное финансирование, причем его размеры вызывали у меня серьезное беспокойство.

В отличие от летающей техники, радиодело развивалось в строжайшей тайне. Сам факт наличия у нас телефонных КВ-радиостанций был большим секретом, с которым знакомили далеко не всех и под расписку о неразглашении. А уж все работники стоящего несколько на отшибе связного цеха приборного завода были на полном серьезе предупреждены, что даже слово «радиолампа», произнесенное не на рабочем месте, будет означать немедленную ликвидацию не только болтуна, но и всех, кто его мог слышать хоть краем уха. Пока прецедентов не было, к счастью, а то ведь пришлось бы брать грех на душу... И если в ближайшие полтора года не произойдет утечки, в войне у нас будет качественная и недоступная для прослушивания связь. Причем Гоша хочет, чтобы она была не только у авиации и наших пехотных частей, но и у флота. Но тут я встал насмерть – пока на каждом корабле не будет взвода особистов, имеющих право пристрелить любого, вплоть до капитана, при малейшем намеке на возможность разглашения тайны – никаких раций! Точнее, только искровые разработки Попова. Гоша что-то бурчал о дискриминации флота, о том, что этим я специально его подставляю... Будь моя воля, я бы его и не так подставил, жаль, руки коротки! Пообщавшись немного с флотскими офицерами, я сразу заметил их общее свойство, которое высочество считало кастовостью, а я – совершенно необоснованным снобизмом. Вот наши летчики – эти с полным основанием считали себя особой кастой. Они получали огромные по меркам любых других войск оклады, каждый имел право по личным вопросам обращаться хоть прямо к Гоше, но специально создан-

ная совместными стараниями информбюро и отдельных энтузиастов церкви воспитательная служба таки смогла донести до них простую мысль. Все это не просто так – это аванс. За то, что в случае надобности – даже не обязательно войны! – Россия может потребовать их жизни, которые надо будет отдать без малейших колебаний... Не знаю, что будет в случае именно таких приказов, но все прочие исполнялись без колебаний. Правда, средний возраст наших пилотов составлял лет восемнадцать, это сильно упрощало их идеологическую обработку, в отличие от флотских.

Кроме человеческого фактора флот раздражал меня и сам по себе. Не пожалев несколько вечеров, я оценил ущерб, нанесенный в двадцатом веке российским флотом его противникам. Сразу выяснилась интересная вещь – он оказался обратно пропорционален водоизмещению! То есть эффективность линкоров и броненосцев можно было отличить от нуля только под микроскопом. Крейсера вроде иногда что-то такое делали... А топили супостатов минзаги, миноносцы и торпедные катера. Зато каждый утюг-броненосец тянул на пятнадцать миллионов! Эх, если бы можно было продать их хотя бы за полцены и на вырученные деньги укрепить границу с Кореей до состояния линии Маннергейма! А так ведь все равно они все окажутся или на дне, или у японцев, но при этом еще сожрут дикую прорву денег на поддержание себя в якобы боеготовности... Да просто утопить их сразу и то дешевле было бы. А если чуть серьезнее – то никак нельзя сдавать Артур японцам, иначе после войны и на металлолом сдать будет нечего!

В полном соответствии с моей, извиняюсь за выражение, военно-морской доктриной и были сделаны две яхты-катамарана, одна мне, другая Гоше. Это были двухсоттонные суденышки с двухтактными дизелями – такие моторы здесь назывались тринклерами. Каждое имело по четыре движка общей мощностью в шесть тысяч лошадей. На спокойной воде посудинка разгонялась до сорока узлов, но реально можно было рассчитывать на тридцать пять. Заявлены они были как личные ВИП-яхты, но могли нести под брюхом два торпедных аппарата, на поплавках – по трехдюймовке и катапульту для самолета-снаряда на крыше.

Такие кораблики, на мой взгляд, нуждались в соответствующих именах, и я полез в энтомологические справочники – познакомиться с миром мелких водоплавающих насекомых. Но наследник престола почему-то наотрез отказался плавать на личинке всякой водяной мошки и, применив административный ресурс, назвал свою яхту «Мария». Тогда я решил назвать свою в честь какого-нибудь знаменитого утописта и ради интереса спросил нескольких знакомых офицеров, кто такие Мор и Кампанелла. Увы, эти имена им были неизвестны. Кончилось тем, что моя посудина обрела имя «Герасим» – а что, тоже утопист, причем отечественный, Муму вон у него и не булькнула лишний раз.

Так что вскоре мне предстоял вояж на Черное море, где уже переделанный в авианесущий крейсер «Мономах» должен был сплаваться со своей эскадрой, то есть «Машкой» и «Герой». И заодно хотелось посмотреть, как там дела у Налетова с его подводными лодками «Краб» и «Рак». А еще нужно было организовать официальный отряд морской авиации в Севастополе, восемь «Пересветов» были уже переставлены на поплавки. Но до отпуска в Крыму оставался еще почти месяц...

Кстати, подумалось вдруг мне, а не вспомнить ли молодость и не махнуть ли в Крым на мотоцикле? Правда, тут бензина в дороге не найдешь, придется «Оку» с цистерной гнать в качестве сопровождения. А почему только одну «Оку»? Пусть едут штуки три, и грузовичок на ее базе, «Нара», в качестве бензовоза. Действительно, и как это я до сих пор не удосужился ударить автопробегом по бездорожью и разгильдяйству? Технику надо испытывать не только на полигоне.

Так что отпуск обещает быть насыщенным, а пока...

Вздыхнув, я сел разбирать бумаги. Чего там такого интересного пишет его младшее высочество? Хм, что-то тут есть, надо подумать...

Начальник второй летной школы капитан Михаил Романов предлагал летать не только парами «ведущий – ведомый», но и тройками. Мотивировал он это тем, что опытных летчиков у нас очень мало, а новичков, наоборот, много. И что лучше пусть один хоть как-то умеющий летать пилот таскает за собой двоих совсем зеленых, чем они будут летать вдвоем вообще без присмотра. А в случае необходимости «старики» образуют эскадрилью асов, и там тактической единицей будет двойка.

Я сообразил, что в этом предложении есть и еще один резон. Производство радиостанций хронически отставало от производства самолетов, но если ставить на машины ведомых только приемники, то, похоже, мы выкрутимся. Так что я нацарапал под письмом резолюцию «согласен» и взял следующую бумагу.

Она оказалась весьма своеобразной, я бы даже сказал, зовущей к немедленным действиям. Какой-то аспирант из Московского университета предлагал вместо брони использовать мощное магнитное поле, чтобы оно, значит, тяжелые снаряды просто отклоняло, а легкие вообще запузыривало обратно к противнику. Далее шли полторы страницы какой-то абракадабры, непонятно почему обозванные расчетами. В конце автор скромно сообщал, что для реализации данного изобретения ему хватит двухсот тысяч рублей.

Я сразу пододвинул папку «в шестой отдел», но с резолюцией на письме слегка замешкался. Сначала, повинувшись душевному порыву, написал было «начистить рыло», но потом чуть подумал, зачеркнул и резюмировал несколько мягче: «разобраться, что за гусь».

Письмо в простом конверте, без адресов и вообще каких-либо надписей, оказалось от моей ненаглядной, то есть вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Там она сообщала мне, что скучает (по условленному с ней набору кодовых фраз это означало «есть новости»), выражала соболезнование моей бесконечной занятости, только благодаря которой я никак не могу выбраться в Питер. Собираюсь по дороге в Ливадию навестить сына, писала дальше Мари.

Хрен с ним, подумал я, что два дня насмарку, нельзя же быть такой свиньей, действительно ведь уже почти два месяца не виделись. Надо с ней как-нибудь помягче, поромантичней, или как там это называется... Книжку, что ли, типа дамского романа прочитать на ночь для расширения кругозора? Может, и не стошнит. Хотя на фиг, она уже достаточно на меня насмотрелась, наверняка понимает, что я за сокровище. Так что раз ее такое устраивает – нечего суетиться, лучше схожу-ка я завтра в цех, где для нее делают бронированную «Оку». Глядишь, и получится успеть к ее приезду, будет чем порадовать даму сердца. А то ведь просто позор – любовница самого инженера Найденова разъезжает в какой-то допотопной карете! И китайский зонтик обязательно надо подарить, а то такой пока есть только у другой императрицы, не вдовствующей.

Глава 2

Если мы с высочеством были не в отъездах, то, как правило, обедали вдвоем – я у него, потом он у меня, потом обратно... Второго августа 1902 года принимающей стороной был Гоша. За обедом он почти не ел, а только с еле заметным нетерпением ждал, пока я покончу хотя бы со вторым, чтобы подсластить мне десерт какой-то явно назревшей проблемой. Деликатный, однако... Я начал демонстративно быстро жрать, стараясь чавкать погромче. Гоша обреченно вздохнул и закатил глаза к потолку.

Наконец я залпом выпил стакан компота, вытер рот салфеткой (рукавом – это был бы уже перебор) и спросил:

– Так что у нас там опять пошло раком? Приятные новости на тебя вроде бы эффекта шила в заднице не производят. Впрочем, давай сам догадаюсь... Наверняка ты жаждешь откомментировать последние инициативы Сергея Юльевича.

– Уже знаешь?

– Он меня с ними еще на прошлой неделе ознакомил, когда ты в Москве очередной миллион зарабатывал. В целях получения дополнительной поддержки.

– И что ты ему сказал?

– Что в таком виде это поддерживать мы не будем. Именно «мы», тут уж я взял на себя смелость говорить и от твоего лица тоже.

– Какая поддержка, – возмутился Гоша, – он хочет урезать ассигнования флоту почти на двадцать процентов! Если бы не маман, пожалуй, у нас хватило бы влияния его прижать. Может, ты с ней поговоришь на эту тему?

– Конечно, но сначала хотелось бы с тобой. Тебя что возмущает – сама цифра или направление перераспределения средств?

– Все!

– Как в подобной ситуации сказал Василий Иванович, «да, Петька, и меня тоже». То есть мне цифра тоже не нравится, тридцать процентов смотрелось бы гораздо лучше. При условии, что экономию направить в нужное русло, вот тут мы с Витте расходимся.

– Я считал, – помрачнел Гоша. – Если проводить боевую подготовку имеющихся кораблей в полном объеме, придется заморозить практически всю судостроительную программу.

Я встал и, закулив, начал ходить по комнате. Привыкший к моей манере вести беседы Гоша ждал ответа.

– Два вопроса – риторических. Зачем морозить всю программу? И зачем тратить деньги на поддержание боеготовности всех кораблей? Вот ты много читал про русско-японскую войну, про флот... Скажи мне, летающей сухопутной крысе, какой из имеющихся у нас сейчас броненосцев самый лучший?

– «Цесаревич», – уверенно сказал Гоша. – «Ретвизан» чуть хуже. Предлагаешь все средства направить только на их нужды?

– А вот меня гложут сомнения. Если посмотреть, как все эти утюги воевали, то доброго слова заслуживает только один. «Севастополь».

– Это просто пример, что может хороший командир даже на корабле-недоделке, – возразило высочество.

– А хотя бы. Но мне кажется, что он и конструктивно больше подходит под конкретные условия. Да, медленный, с мореходностью не ах, зато лучше всех бронирован. Этакий монитор-переросток. Прикрывать минные поля вполне пригоден. Вот на него денег можно выделить. А остальные... Они же все равно разные, для нормального эскадренного боя малопригодны. А главное – где ты на них моряков наберешь? Был бы твой «Цесаревич» с неисправной

из-за недофинансирования машиной, глядишь, и не смог бы удрать в Циндао, от безысходности принял бы бой... хотя, наверное, просто сдался бы.

– И что ты предлагаешь?

– Много чего, – вздохнул я, – но все равно не пройдет. Так что предложу я это только тебе. Значит, выбрать из всего флота несколько кораблей. Главные усилия и главные расходы – на подготовку личного состава в духе наших летчиков. То есть придется похерить ценз, если двадцатилетний мичман окажется способным, ставить его хоть старпомом или главным артиллеристом! Матросам платить больше, чем сейчас получают лейтенанты, отбор по жесточайшему конкурсу. Офицеры – отдельная песня. Ты в авиации можешь себе представить, чтобы летчик получил приказ и спокойно забил на него болт? А про флот ты лучше меня знаешь. Далее. Боевая подготовка. Корабль может стоять у стенки только для заправки, профилактики и ремонта. Все остальное время он плавает и стреляет. Хотя что-нибудь из этого возможно?

– Нет, – вынужден был согласиться Гоша.

– И зачем, скажи на милость, тогда вкладывать деньги в технику?

– Так что, пусть ржавеют у стенки?

– Броненосцы – да, у них железо толстое, до дыр не проржавеют. А вот владивостокский отряд крейсеров можно и усилить. Если бы Витте предлагал нечто подобное, я бы был всеми четырьмя руками за. А ему нейдет в Дальнем гешефты крутить... Слушай, давай свою программу составим. Кого заморозить, кого поставить в вооруженный резерв, кому все высвободившиеся деньги... Мало ли, вдруг и удастся продать. Вот тут и Марию Федоровну можно будет подключить, а то сейчас что я ей скажу? Витте предлагает не дело, а как надо? Как-то примерно так...

По Гоше было хорошо видно, что он расстроен. Ругаться со мной ему не хотелось, но и принять мою точку зрения он тоже не мог. Тут меня осенило.

– Ваше высочество, – вкрадчиво предложил я, – а на кой хрен нам ломать свои неокрепшие мозги в поисках решения, кому дать денег, а кому фигу? Пусть сами разберутся!

– Учения? – с ходу просек Гоша.

– Да, причем максимально приближенные к реальности. Делим флот на две группировки. Внезапно ставим задачу – и вперед, за славой! В смысле, за ее материальным выражением. Проигравшая сторона вместо денег получает красиво оформленные соболезнования. Причем делать это надо быстро, не позже ноября. Как, удастся сподвигнуть Николая на такое действие? Вроде ему нравились игры в войнушку... И Витте на финансирование этой заварухи растрести будет проще.

– Командовать «нашими» будет Макаров, – начал рассуждать Гоша, – а «не нашими» кто?

– То есть как кто? Гордость российского флота и самый крупный в нем по званию. По весу, кажется, тоже, но это не страшно, корабль не самолет, выдержит. Главой посредников быть тебе, это ясно.

– А ты что будешь делать?

– А я буду вокруг дяди Алексея отираться в качестве технического советника, отношения у нас с ним нормальные. Ну как?

– Согласен, – кивнул Гоша, – пожалуй, чтоб не откладывать, я завтра лечу в Питер, уговаривать брата. Только получается нечестно – у не наших флотской авиацией будешь командовать ты, а у наших кто?

– Мишель, естественно, – пожал плечами я, – у него не хуже выйдет. Да и было бы там чем командовать – по десятку «Пересветов» с каждой стороны... Безобразить, похоже, придется на Балтике, больше нигде. Например, наши базируются в Кронштадте, а не наши в Хельсинках. Заранее, ничего никому, кроме нашего и ихнего адмиралов, не говоря, разводим их по командам... А потом одним прекрасным утром объявляем – сегодня в полдень начинается серьезная игра в войну. Можете сразу плыть на битву, можете готовиться – время пошло!

Вот бардак-то начнется... Надо только заранее продумать, как засчитывать результативность стрельбы. Например, никто не имеет права начинать боевые действия, не расстреляв расположенные там-то мишени. Ну и по проценту реальных попаданий потом считать условные.

Гоша поежился. Дело было в том, что с нашей подачи генерал-адмирал уже почти полгода гонял экипаж своей «Светланы» – его артиллеристы стреляли чуть ли не ежедневно. Вкупе с доработанными орудийными станками это привело к совершенно невиданной в российском флоте цифре – четыре процента попаданий с пяти миль. Если за флот не наших будет отстреливаться «Света» – дела у наших будут тухлые. То есть как русско-японской войне моего мира, где стрелять-то они стреляли, а вот с попаданиями было весьма не очень...

– Ладно, – тряхнул головой Гоша, – быть по сему, должны же и у Макарова найтись несколько приличных артиллеристов. Вот только делить стороны на наших и ихних... пусть наши будут синие. А твои – красные?

– Ну я же тебе не дедушка Ленин! Мои по определению будут зеленые, как крокодил Гена. А еще лучше – пусть они будут северные и южные.

После обеда я отправился к себе. Как всегда в такой (послеобеденной) ситуации, преобладающим чувством была лень – и кто меня за язык тянул, мало мне штатных дел, еще поплавать решил в ноябрьской водичке... Даже если в октябрьской, все равно дурак. Но все-таки возраст имеет свои преимущества – за почти шестьдесят лет жизни я успел изучить свой организм и знал, что если сейчас дать ему вздремнуть пару часиков, то проснется он вполне конструктивно настроенным. Так что я закрыл свой кабинет, предупредил секретаря, что в ближайшие два часа меня можно беспокоить только в случае войны или визита императрицы, и принял горизонтальное положение. Зря я все-таки у Гоши так обожрался в спешке, мелькнула сонная мысль.

На следующий день Гоша улетел, а я занялся испытаниями бронированной «Оки» – ее наконец сделали. Так как она предназначалась не неизвестно кому и даже не Николаю, а его матери, то там стоял нормальный мотор от «Фольксвагена Жука». Конечно, для двухтонной машины он был откровенно слабоват, но только по современным меркам. Для начала века получился просто суперлимузин. Подвеска с гидравликой создавала достаточный комфорт. О такой мелочи, как отделка салона натуральной кожей и красным деревом, я и не говорю. В общем, теперь я мог спокойно ждать визита императрицы – она собиралась на днях посетить Георгиевск, официально – повидать сына, который улетел как раз в Питер. Разумеется, любой интересующийся уже знал, к кому она ездит на самом деле, и думал, что знал – зачем. Нет, не буду отнекиваться – этот мотив в наших встречах тоже присутствовал, но ведь нельзя же в моем и ее возрасте двое суток не вылезать из койки! Просто пора было в очередной раз обсудить наши дела по грядущей смене российских императоров.

Императрица приехала в своем вагоне – проездом в Ливадию. Я встретил ее на только что изготовленном лимузине, для прислуги подогнали «Нару». На сей раз я был не за рулем и пригласил даму в задний отсек лимузина. Выдернув затычку из перегородки между салоном и водительским местом, я сказал «домой» и сунул ее обратно.

Императрица с интересом оглядывалась.

– Дорогой, ты не заболел? – наконец спросила она. – Я даже выразить не могу, насколько тебе не подходит этот автомобиль! Комфорт, роскошь... это что, золото?! Я понимаю, если бы он предназначался императору...

– Император пока перебьется, это авто для императрицы, – сообщил я и уточнил: – Естественно, для тебя, дорогая.

Или она отличная артистка, или поражена в самое сердце, подумал я, глядя на ее реакцию. Скорее всего, имеет место быть понемножку и то и другое...

Императрица решительным жестом задернула шторы на окнах и прильнула ко мне в поцелуй. У меня мелькнула мысль – хорошо хоть, что здесь еще до секса в машине не додумались... Впрочем, должным образом ответить на поцелуй она мне не помешала.

По приезде я отправился по делам, а Мари – приводить себя в порядок с дороги (как будто что-то не давало сделать это в персональном вагоне!). Встретились мы за ужином – естественно, тет-а-тет.

– Очень хорошо, что ты стал вхож к Алексею Александровичу, – без всяких предисловий начала императрица, – я понимаю, он тебя заинтересовал в силу должности, но и в политическом плане это к месту. Однако придется тебе еще раз мобилизовать всю свою обаятельность...

– Дорогая, – удивился я, – с каких это пор Николай Николаичу-младшему нужна какая-то там моя обаятельность? Если она у меня и есть, она вся принадлежит исключительно тебе. А для него эту обаятельность копят совсем другие особы!

– Ирина или Анна? – осведомилась дама.

– Обе.

Мы улыбнулись, довольные друг другом.

– Но все равно ты должен с ним познакомиться, – продолжила Мари.

– Разумеется. Мотив знакомства – грядет русско-японская война. Я делаю что могу, но могу очень мало... Попытки раскрыть глаза тому, этому и прочим, ты уж мне подскажи, дорогая, кому именно, ни к чему не привели... У меня и у России осталась одна надежда – вы, вот примерно в таком духе я собираюсь действовать... Сойдет?

– Только в самых общих чертах. Так что допивай, Джордж, свое пиво – и начинаем вместе уточнять акценты.

На это ушло около часа. Действительно, великий князь Николай Николаевич-младший в смысле влияния на просто Николая был очень важной фигурой, строить игру без него – не дело...

– А как ты поступишь с этой актрисочкой, его подругой? – поинтересовалась Мари.

– Я – никак. Зачем она мне? Ее судьба поручена профессионалам. Им сказано – силовое решение вопроса нежелательно. Без меня все сделают. Если интересно – потом расскажу подробности, а сейчас не могу, я их просто не знаю.

– Только... – императрица слегка запнулась, – я не знаю, дорогой, нужно ли тебя предупредить... но после нашей победы излишняя... э-э-э... прямолинейность Николая Николаевича и...

– Не нужно, – кивнул я. – И не потому, что я хорошо знаю именно его, а просто часть наших соратников останутся таковыми и после победы, а часть – не останутся, в силу различных причин и со всеми вытекающими последствиями... Так что не волнуйся. Кстати, насчет вот таких соратников – нам с Гошей тут понадобилось слегка на Витте надавить, с целью финансирования одного довольно полезного мероприятия. Поможешь?

– Рассказывай, – деловито предложила императрица.

Мне вспомнилось «и Шахерезада продолжила дозволенные речи»... Я тоже продолжил, но не успел дойти и до середины, как был прерван:

– Ну, дорогой, я-то думала, тут действительно что-то важное... разумеется, в такой мелочи я вам помогу. Но не кажется ли тебе, что за окном давно стемнело?

Глава 3

Я проводил глазами удаляющуюся автоколонну и вздохнул. Ну никак не получалось у меня выкроить неделю и поучаствовать в первом российском автопробеге Георгиевск – Севастополь. А какая была мысль, можно сказать мечта! Выкрасить свою «Оку» в зеленый цвет, написать на борту «Антилопа-гну», надеть белый костюм с фуражкой... Увы мне, увыв. Я вернулся и поехал на аэродром, распорядиться насчет подготовки борта номер один к завтрашнему полету в Михайловку. Тот самый Михаил, именем которого она и была названа, прислал мне очередную цидулю. Пора учить летчиков воздушному бою, писал он, а как? Желательно, чтобы господин генерал-майор лично провел несколько занятий с лучшими пилотами, поделился с ними своим многократно превосходящим боевым опытом, а уж они потом будут гонять всю остальную ораву...

Я три раза перечитал депешу, пытаюсь понять – он что, издевается? Вроде это совершенно не в его стиле. Похоже, он просто не принял в расчет арифметику – опыт пилотов равен нулю, мой его во много раз превосходит – то есть равен тому же нулю, умноженному на любую цифру! Что, между прочим, полностью соответствовало истине... Михаил же искренне считал, что если что-то не получается – достаточно просто надавить на инженера Найденова, чтобы тот прилетел и показал как надо. Ладно, что уж тут делать, заодно и сам подучусь, только не помешает еще разок Покрышкина перечитать. Не получилось бы, однако, неудобно – я-то на «Бобике» летал только при его испытаниях, это всего восемь часов, а Полозов уже имеет налет под сотню, да и остальная шестерка пилотов первого выпуска от него почти не отстает. Правда, козырь у меня все же был – «Бобик» и по техническим характеристикам, и по поведению в воздухе был очень близок к «Як-18», а уж с этой машиной я был давно на «ты». Однако они все молодые, им и семикратные перегрузки не предел, а я от пяти «же» так и норовлю сознание потерять... Ладно, как-нибудь выкрутимся.

Выкручиваться я начал с организации занятий. Первой темой были атаки «Пересвета» – в одиночку, двойкой, в одиночку против двух, двойкой против двух... Подлетая с разных ракурсов к этим неповоротливым машинам, я за два дня полностью слился с «Бобиком». Ну и методу я принял обычную для случая, когда педагог рубит в предмете ненамного лучше ученика. Сначала – а покажите, как вы это собираетесь делать. Потом – разбор, что не так, а уж потом я, учитывая неудачный опыт курсантов, подлетал и делал более или менее как надо. Азы ситуации «истребитель против истребителя» я показывал курсантам на основе постулата Покрышкина «хозяин высоты – хозяин боя». Забравшись повыше, я пикировал оттуда на противника и в результате к моменту выхода на дистанцию огня имел почти двойное преимущество в скорости. В этой ситуации попытки уйти от меня на вертикаль были обречены – я легко догонял теряющего остатки скорости противника. Уход виражом у курсантов тоже не получался – они сворачивали слишком рано, давая мне возможность две, а то и три секунды держать их в прицеле. Наконец Полозов догадался переворотом через крыло делать полупетлю вниз.

– Вот это уже ничего, – похвалил я его на земле, – разве что полубочку надо было оформить как начало виража, а то ты все-таки полсекунды у меня на линии огня вертелся, в принципе могло хватить. И в вираж от имеющего преимущество в скорости противника тоже можно уходить, но только в самый последний момент. А вы записывайте, записывайте (это я уже Мишелю). Руководство по тактике воздушного боя – это должен быть ваш документ, я его потом только подкорректирую и дополню. Ну а завтра будем разбирать варианты атаки двойкой...

В общем – зря боялся, уроки получились неплохие, да и сам подучился фигурировать на «Бобике». Так что через три дня я с чувством выполненного долга вылетел в Ростов, а далее в Севастополь. Там за день утряс бюрократические препятствия к созданию Черноморского авиаотряда и упорхал в Николаев, на предмет познакомиться с ракообразными.

Подводные минные заградители «Краб» и «Рак» были уже практически достроены. Почти по всем своим характеристикам они повторяли «Краб» нашего мира образца 1915 года – кроме двигателей. В качестве ходовых лодки имели два электромотора по четыреста киловатт каждый, питающихся либо от аккумуляторов, либо от двух тринклер-генераторов общей мощностью девятьсот киловатт. Строились они под видом эсминцев, и я уже начинал подумывать, как их потом прогонять через Босфор – то ли разоружить (точнее – не вооружать) и в открытую, но тогда турки могут захотеть проинспектировать суденышки... Либо просто нырнуть и всплыть уже по ту сторону пролива.

Налетов все же настоял на том, чтобы его лодки имели по два торпедных аппарата, но сделать их легкосъемными у него не получилось. Можно, конечно, тонкими листами заварить снаружи их выходы, а изнутри обмотать проводами, обвешать приборами и объявить какими-нибудь индуктивными накопителями... В общем, я и прилетел в основном по этому вопросу.

Налетов был настроен решительно. Это подводные лодки? Да, подводные. Так вот пусть и плавают, где надо, под водой! А надо в Босфоре, Дарданеллах и Гибралтаре. Он, Налетов, готов лично провести свои суда по такому маршруту.

– Да? – заинтересовался я. Действительно, кто же может знать возможности техники лучше ее создателя. – А экипажи набрать сможете? Совсем не обязательно из военных моряков, но просто они должны быть готовы с началом войны записаться добровольцами.

– То есть как, – не понял Налетов, – лодки же войдут в состав флота, а им командует морвед...

– Не войдут они в состав никакого флота, – хмыкнул я, – они как сейчас есть кораблики, построенные на личные деньги его высочества для охраны его же личной яхты, так ими и останутся. Просто во время войны безопасности яхты может угрожать любое японское судно, находящееся в любом месте, соответственно задачи охраны несколько расширяются, вот и все.

Я немного задумался. Если мы хотим сохранить ракообразных в тайне, никаких легальных заплывов через проливы быть не может – только под водой. И, кроме того, Суэц отпадает, надо вокруг Африки. Но одни лодки пускать в такой поход нельзя, нужно судно сопровождения, то есть танкер. Однако тогда и «Гере» с «Машей» надо плыть в этой компании, им тоже танкер нужен. А «Мономах» пусть проходит проливы легально, с каким-нибудь высочеством на борту, их у нас теперь много, а потом идет через Суэцкий канал.

– Ну что же, – закончил раздумья я, – пожалуй, сделаем по-вашему. Тогда и пулеметы можно сразу устанавливать, чтоб потом не маяться. И сплавайте на «Гере»... ну я не знаю, в Италию, что ли. Опера там, Верди, Пазолини всякие... или лучше на их верфи, гляньте, вдруг там чего полезного можно прикупить или подсмотреть. Чтобы народ привык – «Гера» часто через проливы туда-сюда шастает. Да и сами посмотрите, где потом на «Раке» плыть придется.

После прояснения подводных вопросов Налетов поднял еще один, почти противоположный.

– У меня тут возникла мысль по поводу катера для его величества, – сообщил он.

Этот «катер», а по сути поплавки от гидросамолета с двумя самолетными же моторами, я обещал Николаю еще полтора года назад, но все как-то было не до того. Но, когда завод «Наваль» стал нашим, пришлось вспомнить-таки обещание и по-быстрому сваять такую хреновину. Геометрию поплавков мне рассчитали в нашем времени, а уж стальную ферму между ними с креплениями для двух моторов от «Бобика» я сочинил сам. В результате этот огрызок самолета при водоизмещении чуть больше четырех тонн разгонялся по спокойной воде почти до пятидесяти узлов. Правда, плавать по беспокойной он вообще не мог, три балла были его

пределом. Интересно, что из него собирается сделать Налетов, торпедный катер? Как выяснилось, да.

– Столь быстро перемещающаяся цель недоступна даже для трехдюймового калибра, – с энтузиазмом объяснял он мне, – существующие механизмы наведения не позволят поворачивать орудия с нужной скоростью. И, значит, для ночных атак вблизи берегов или корабля-носителя и в хорошую погоду это будет достаточно эффективное средство, во всяком случае не хуже миноносцев. Но дешевле их в десятки раз!

– А вы на этом изделии уже плавали?

– Я ходил на нем в Одессу, три часа туда, три обратно.

Вот ведь как обстановка-то на людей влияет, подумал я. Был нормальный сухопутный человек, год поработал корабелем – уже по воде он ходит, аки по суку...

– А до Ялты своим ходом оно доплыть сможет? И экипаж для него есть?

– По такой погоде, как сейчас – без проблем, только запас бензина придется взять, одной заправки ему не хватит. Экипаж – рулевой и моторист, ваш Бенья прислал двоих довольно способных молодых людей, сейчас им спокойно можно доверять это судно.

– Ну тогда пусть кто-нибудь разбирающийся в роскоши оценит отделку кабины, и в Ливадию. А насчет такого торпедного катера... Вещь дешевая, вреда от попробовать не будет. Сделайте еще пару, моторы я пришлю, поставьте торпедные аппараты, испытайте в реальных условиях. Кстати, можно попробовать учинить бой такой лоханки с обычным миноносцем. Попасть в нее из пушки трудно, от торпеды она запросто увернется, и никакому эсминцу от нее не убежать... А окажутся ни к чему не пригодными – подарим кому-нибудь, султану, например.

– Хорошо, построим и попробуем. А у меня к вам вот какой вопрос: можно ли самолет сделать совсем маленьким? Как минимум в два, а лучше в три раза меньше «Тузика». И чтобы он легко разбирался и собирался. Силуэт у лодки очень низкий...

– Не только у нее, у катамаранов тоже. Я уже думал на эту тему, скоро будет вам бортовой разведчик.

Разумеется, я не собирался втискивать самолет в габариты чемодана. Для этой цели лучше всего подходил автожир – мало того что он меньше любого самолета, но и садиться он может практически вертикально. Только вот взлетать как? Хотя, раз старт будет производиться всегда с одного места, можно сделать внешнюю раскрутку винта.

– Так что маленький летательный аппарат вам будет, – повторил я, – а вот насчет авиационной торпеды у вас новых мыслей не появилось? Разбиваются об воду, заразы...

– Есть несколько новых вариантов стабилизаторов, надо будет их испытать. И есть совсем дикая мысль. Ведь такую торпеду можно сбрасывать с довольно небольшого расстояния от цели, порядка трех кабельтовых?

– Михаил Петрович, – не выдержал я, – разрешите, я вас прерву? Какие на фиг могут быть кабельтовы в технике? У нас принята метрическая система! Проектируем мы, положим, сеялку – так делаем это в миллиметрах! А уж потом неграмотный крестьянин расстояния для нее начнет мерить в локтях, вершках или просто в вон дотуда. Корабль – аналогично, и пусть уж потом моряки сами меряют его длину хоть в милях, хоть в полетах стрелы. Итак, вы предлагаете уменьшить дистанцию сброса торпеды и соответственно ее дальность до пятисот метров. В принципе это возможно, «Бобик» с такого и даже несколько меньшего расстояния вряд ли собьют. Что это нам даст?

– Можно будет заменить поршневой парогазовый двигатель на реактивный, в котором нечему ломаться. И сильно упростить автомат глубины.

– Интересная идея, сделать подводную ракету... Ладно, пробуйте. По ракетным двигателям свяжитесь с нашим начальником Остехбюро, Поморцевым, у него уже есть наработки. Да, и последнее. «Мономах» где, в море? А то я что-то ничего на него похожего с воздуха не видел.

– Да, он в очередном испытательном походе. После изменения формы носовой оконечности скорость поднялась до семнадцати узлов, теперь ему бы еще котлы заменить на водотрубные...

– Заменим котлы – захочется заменить машины на трехцилиндровые. Заменим машины – как раз к тому времени новые котлы подойдут. Опять заменим котлы – машины перестанут им соответствовать, придется менять их на турбины... Так что пусть войну встречает как есть, а уж после решим, если он не утонет, на модернизацию его, в музей или еще куда. А с мореходностью у него теперь как?

– Георгий Андреевич, ну что я могу сказать про мореходность по результатам походов в Черном море, да еще летом? Подождем, как он покажет себя в океане. Да, у меня к вам еще один вопрос. Ваши сварочные агрегаты показали себя просто незаменимыми, я взял на себя смелость подготовить еще пятнадцать сварщиков. Так что теперь агрегатов не хватает, а учитывая, что на кораблях они тоже необходимы, не хватает сильно.

– Хорошо, пришлю пяток старых, с двухтактными двигателями, и два новых, с тринклерами. Один новый потом станет штатным оборудованием на «Мономахе». Подлодкам с двухтактниками, они легче и компактней, а для катамаранов я сделаю совсем маленькую разновидность с мотоциклетным движком. Ну вы можете не торопиться все необходимое прямо сейчас вспоминать, улетаю я только завтра утром.

– Да, у меня к вам есть еще один вопрос, но для его обсуждения придется пройти в мой кабинет.

Мы прошли.

Я ожидал, что Налетов покажет мне чертежи или даже модели чего-нибудь, но он просто закрыл изнутри дверь на ключ и сказал:

– Этот вопрос имеет отношение к радиооборудованию.

Ай да молодец, подумал я, даже в беседе со мной ни йоту не отступает от инструкций по обеспечению секретности!

– Я изучил блок-схему радиостанции, – продолжил Налетов.

Тут надо пояснить, что всю радиоаппаратуру я разбил на функциональные блоки для облегчения ремонта. Усилитель низкой частоты, усилитель высокой, приемный контур, передающий... Все они были оформлены как черные ящики и имели систему самоликвидации.

– Так вот, – продолжил Налетов, – меня заинтересовал усилитель низкой частоты. Как я понял, он получает очень слабый сигнал, со входного контура или микрофона, и усиливает его в десятки раз. Я не ошибаюсь?

– Нет, продолжайте.

– Если поставить чувствительный микрофон в подводной части лодки, то, заглушив все свои двигатели, можно будет слушать работу чужих, под водой ведь звук распространяется очень хорошо. Вряд ли удастся точно определить расстояние и направление, но хотя бы знать о наличии неподалеку корабля – и то немало.

– Блин, и как же это я сам не подумал, – сокрушенно покачал головой я, – будет вам гидроакустический локатор и эхолот заодно, расстояние до дна мерить. Кстати, и расстояние, и направление до судна можно будет оценить довольно точно. В общем, через пару недель я вам пришлю чертежи посадочных мест этой аппаратуры, а месяца через полтора ее саму.

Глава 4

Мои каникулы, ну прямо как лет сорок и более назад, кончились первого сентября. И продолжались они не две недели, как я без особых на то оснований надеялся, и даже не неделю, как планировал. Два дня в Ливадии, потом утром в «Пересвет» и на взлет, вечером посадка в Георгиевске.

В Ливадии я отоспался и отъелся. Николая там не было, он старался не злоупотреблять встречами со своей матерью, которая как раз в это время была там. Перед посадкой я с некоторой тревогой думал, что мне не дадут никакого покоя, но Мари, присмотревшись ко мне (десять дней почти не вылезал из самолетов – это все-таки сказывается), в приказном порядке велела мне приступить к отдыху и ни о чем не думать. В результате я два дня ел и спал, причем ел в компании императрицы, а спал в основном один. В ее же компании пару раз сходил на море, искупаться. Предлагал и Мари, но она вполне ожидаемо отказалась, сказав, что может быть, со временем она и проникнется моей свободой взглядов, а пока ее вполне устраивает купальня во дворце. По-моему, она просто не умела плавать. Но зато, как выяснилось, она умела неплохо думать. Я только сейчас заметил, что Мари теперь старается одеться и подкраситься так, чтобы это ее старило! Точнее, чтобы она выглядела так, как до перехода нашего с ней знакомства в близкую фазу. С некоторой даже ревностью я обнаружил, что от перехода через портал она помолодела лет на пятнадцать! Но выставлять это на всеобщее обозрение явно не собиралась...

Однако два дня пролетели быстро, и вот я снова в кабине «Пересвета»... Насчет эхолота и гидролокатора для Налетова я начал соображать сразу после взлета – все равно заняться было особо нечем, пилотирование никаких усилий не требовало.

Итак, послали мы в воде звуковой сигнал, и надо измерить время до появления отражения этого сигнала. При современной электронике это никаких проблем не представляет. Скорее всего можно сделать и механический измеритель, только это будет очень точная механика, вряд ли сейчас нам доступная. А что мы можем с имеющимися паршивыми триодами? Померить фазу – пожалуй, фигушки, точность будет порядка трамвайной остановки. Стоп, но фазу можно и ухом неплохо мерить – в смысле, определять, когда два смешанных сигнала совпадают или, наоборот, противоположны. Значит, ловим отраженный сигнал и смешиваем его с приведенным к тому же уровню исходным. Как только они совпадут по фазе, это нетрудно будет услышать по появлению биений, значит – до отражающей поверхности целое число длин волн. Чтобы определить, сколько именно, начинаем качать частоту. Если новые биения будут появляться через октаву, это одна волна, через пол-октавы – две, и так далее. Усилители у нас есть, генераторы тоже. Правда, тут потребуются низкочастотный генератор, трудно будет обеспечить стабильность... Микрофон и излучатель должны быть пьезоэлектрическими, пожалуй. Но их у нас нет и до войны точно не будет, а уж через месяц и подавно. Значит, для этих двух лодок следует притащить из современной Москвы микрофоны и пищалки. И времязадающие элементы генератора – для повышения точности, остальное местное. И сразу по прилету надо будет разнообразить список приоритетных исследований радиолaborатории, чтобы через некоторое время эти не такие уж сложные вещи делались в здешней России. Кстати, о России – подо мной уже появились пригороды никакого не «незалежного», а самого что ни на есть российского города Харькова, пора начинать заход на посадку.

Заправка, быстрая проверка самолета – и снова в воздух. Итак, схему эхолота-гидролокатора я вроде составил. Интересно, а у нас во флоте такая когда-нибудь применялась? Вряд ли, эффект биений непонятно почему начали использовать сравнительно недавно, а ведь простейшая же вещь... Правда, от оператора потребуются музыкальный слух. Ну, флотские офицеры вроде люди образованные, как напьются, на пианинах бренчат в кают-компаниях... Или

по кабакам лабухов поискать? Блин, по каким кабакам – Татьяна же в Георгиевске по линии своей официальной службы музыкальную школу открыла! Вот ведь молодец девочка, что ни делает, все к месту, так что есть где слушачей вербовать.

Сразу по прибытии в Георгиевск, вечером, я сел рисовать придуманные в полете схемы и утром отнес их в радиолaborаторию.

– Начинайте макетировать, – распорядился я там, – недостающие элементы (я потыкал карандашом в пищалку, микрофон и времязадающую катушку генератора на схеме) будут послезавтра. Пока можете заодно подумать, что это такое и для чего оно. Послезавтра и сам скажу, но если догадаетесь раньше – всем премия.

После лаборатории – обратно к себе, меня уже ждала Татьяна. Ей предстояло еще одно дело, причем сразу по обоим линиям, как официальной, так и нет.

– Как вы наверняка в курсе, – сообщил я даме после взаимных приветствий, – дочь Марии Федоровны, княгиня Ольга, вместе с вашей Ольгой Оболенской приступили к организации Георгиевских поездов-госпиталей. Разумеется, Департамент охраны материнства в обоих своих ипостасях в стороне от такого дела отказаться никак не может. О том, что вы окажете помощь, княгиня Ольга уже в курсе и с нетерпением ждет, их там бюрократические препоны заели. Ну, тут вам и карты в руки, опыт есть. Со всякой мелочью разбирайтесь в рабочем порядке, с персонами от шестого класса и выше по согласованию со мной. Для визитов в Питер можете задействовать борт номер один. Да, еще одна тонкость. Наверняка ведь воровать начнут, в основном георгиум, но и прочие медикаменты вряд ли избегнут пристального внимания. В смете на утреску заложено примерно пятнадцать процентов. Так вот, тех, кто впадает в грех примерно в пределах этих сумм, надо брать на карандаш – с началом войны потребуются громкие процессы. Далее, опять же с началом войны неплохо будет организовать два-три примера стихийного самосуда над ворюгами, но только чтобы стихийность была безукоризненной, вы уж тут на подготовке не экономьте. А вот кто прямо сейчас в проценты начнет не укладываться, мелочи – сразу несчастный случай, про высших персон докладывать мне, имея в виду, что действовать потом придется точно так же.

– Без всяких предупреждений? – уточнила Татьяна.

– Без. Понимаете, Танечка, в таких делах, как медицина, даже малейший избыточный гуманизм совершенно недопустим. И вот еще что – вроде у нас тут в Георгиевске музыкальная школа появилась, где она находится? Ну что вы на меня так смотрите, захотелось мне на старости лет приобщиться к прекрасному, песню, например, про чижик-пыжика послушать в хорошем исполнении...

В обед мы с Гошей по-быстрому смотались в наш мир – он посидеть в Интернете, я за радиодетальями. По возвращении я напомнил высочеству:

– Так до сих пор с парашютом и не прыгнул? Ну что мне тебя, силком в «Пересвет» затаскивать и потом пинком провожать в прыжок? И не делай мне тут лицо занятого человека, я знаю, что совещание у тебя назначено аж на семнадцать часов, вполне успеем. А то летчики тоже как-то без энтузиазма к этому относятся, так что ты уж подай личный пример.

В нашей первой летной школе был небольшой домик с вывеской «Центр парашютной подготовки», под которой какой-то остряк уже написал красивым почерком «Блаженны прыгающие, ибо они допрыгаются».

В общем, высочество прыгнуло, но не допрыгалось и даже не напрыгалось – понравилось, однако (а чему бы тут не понравиться, если, будучи высочеством, прыгаешь с парашютом Д-5 – люди попроще обходились изделиями местного пошива). Боялся он, что ли? Может быть, хотя, наверное, дело еще и в том, что я на него давил. А надо было не пускать, тогда точно сам бы прыгать рвался! Помню, когда я учился в юношеской планерной школе, в программе прыжков не было, но трем лучшим обещали как награду дать прыгнуть. Ух, как мы из шкуры лезли,

я, когда сиганул-таки с «Ан-2», потом неделю ходил, задрал нос выше маковки. Как бы что-нибудь похожее для летчиков ввести, а то пока они к парашюту относятся без всякого доверия... Ладно, пора снова в радиолaborаторию, обрадовать народ, что детали будут не послезавтра, а сейчас.

Через четыре дня испытания макета эхолота на Оке показали неплохие результаты, и бригада его конструкторов выехала на Селигер, он все-таки больше похож на море.

Узнав, что «Краб» с «Раком» уже на выходе, Гоша озаботился формированием экипажей. Он все-таки решил сформировать их из военных моряков, в результате чего дяде Алексею было отправлено срочное письмо с просьбой командировать в наше распоряжение лейтенанта Беклемишева – одного из очень немногих военных моряков, имеющих хоть какое-то представление о подводной специфике. Кстати, и на «Марии» команда была набрана из гвардейского флотского экипажа, а вот я на своего «Геру» посадил моряков торгового флота из Одессы и Николаева. Капитаном был назначен дальний родственник Татьяны, до того служивший старпомом на зерновозе. Я постарался поднять дух своих мореманов, заявив, что твердо верю – они смогут по результатам боевой подготовки превзойти благородий на однотипной «Машке»! А уж насчет премий и прочего за мной не заржавеет. Где-то в конце октября были намечены совместные учения с «Мономахом», вот там и посмотрим.

Между делом я слетал в Питер, поговорить с Витте. Он встретил меня на аэродроме в Гатчине, там же и прошла беседа.

– Я прилетел по поводу вашей инициативы насчет сокращения ассигнований флоту, – сразу взял быка за рога я.

– Поддержать или отговаривать? – поинтересовался министр финансов.

– Выразить свое возмущение! Ну что это за цифра такая – двадцать процентов? Просто крохоборство какое-то! Я понимаю, что за тридцать вас бы живьем сожрали, но уж двадцать пять-то заложить можно было бы.

Витте расхохотался, а отсмеявшись, спросил:

– Значит, если я добавлю еще минус пять процентов, ваша полная поддержка мне обеспечена?

– Разумеется нет, – покачал головой я, – по крайней мере пока не прояснятся два чрезвычайно интересующих меня вопроса. Первый – кому достанется то, что предполагается забрать у флота. И второй – кто будет распоряжаться тем, что у него останется?

– Но вы же не надеетесь, что ответ на эти вопросы будет вам: «вы»?

– Само собой. Но мне вот очень хотелось бы надеяться, что сухой док в Дальнем будет достроен не позже весны. Неужели часть сэкономленных средств нельзя будет потратить именно на это?

– Это разумно, – согласился Сергей Юльевич, – но у вас ведь есть еще какое-то предложение?

– Есть. Сформировать для флота особый фонд внедрения новой техники где-то миллиона на три и назначить его распорядителем генерал-адмирала.

– Да, я слышал, что теперь Алексея Александровича можно считать вашей креатурой, но доверять ему такие деньги... Я бы не рискнул.

– Это понятно, – усмехнулся я, – вот потому-то я и прилетел вас уговаривать. Ну какой тут особый риск? Сам генерал-адмирал не ворует, за его окружением я присмотрю и за тем, чтобы деньги не шли на откровенную дурость – тоже... По рукам?

– Ладно, – вздохнул Витте, – попробуем. – А что за проект активных учений, про который мне на днях говорила Мария Федоровна?

– Ну, – махнул рукой я, – да вот захотелось в войну поиграть немножко. Почему бы и нет, если за казенный счет? Расходы тут небольшие, да и его высочество не против их вам потом косвенно возместить.

– Косвенно – это дать послушать звон ваших денег?

– Почти. Обрушить, например, какие-нибудь ценные бумаги, а дальше вы уж как-нибудь сами. Об этом лучше говорить напрямую с его высочеством, но чуть погодя, после учений, когда оно отойдет от расстройства. Огорчили вы его, честно говоря, своими поползновениями!

– А, понял, – догадался Витте, – этими учениями вы хотите отвлечь наследника от тягостных дум на финансово-флотские темы... Вполне достойная цель, так что решение, я думаю, будет положительным.

Разумеется, этот разговор был заранее детально согласован с Гошей и, кроме того, шел под диктофон – можно будет потом вдвоем послушать и проанализировать. Но пусть Витте считает, что между нами тут имеются трения и взаимные недоговорки, нам же спокойней жить будет.

Глава 5

Из дневников лейтенанта РИФ М.Н. Беклемишева

13.09.1902 г.

...ожидая назначение командиром нашего «Миноносца № 150».

15.09.1902 г.

Пребываю в полном недоумении. Прибыв утром на службу, получил предписание, подписанное самим генерал-адмиралом, о моем откомандировании в распоряжение ЕИВ ВК Георгия Александровича. С пометкой «незамедлительно»! Такое же предписание получил лейтенант А.Н. Черкасов. Зачем его высочеству водолазы? Однако наше дело приказы исполнять. На ближайшем поезде мы с Анатолием Ниловичем выехали в Георгиевск, уведомив ВК телеграммой о времени прибытия поезда.

19.09.1902 г.

Приятно удивлен. В Серпухове нас ждал экипаж, поданный к поезду по распоряжению ВК! По прибытии в резиденцию ВК, нас с Анатолием моментально принял его высочество. В скромно обставленном кабинете кроме ВК Георгия Александровича находились известный инженер и авиатор г. Найденов, а также совершенно неизвестный мне господин, одетый в партикулярное платье и представленный нам великим князем как Налетов Михаил Петрович. Познакомив нас с присутствующими, ВК в жесткой форме потребовал тут же, не сходя с места подписать документ: «Обязательство о неразглашении государственной тайны», определяющий режим сохранения доверяемых нам секретных сведений. Санкции за нарушение режима секретности ну просто драконовские.

Пришлось подписать документ. С другой стороны, и оклад денежного содержания вкупе с дополнительными льготами для нас и наших семей впечатлил не менее – уже после года на службе у ВК я могу считать себя весьма обеспеченным человеком! Будучи прикомандированы к ВК в прямое подчинение, мы по-прежнему числились офицерами флота, со всеми вытекающими из этого последствиями. Отозвать же нас могли только с согласия ВК! И иного начальства у нас более не было.

Велико же было наше с Анатолием Ниловичем удивление, когда узнали мы о том, что сей господин Налетов является конструктором подводного минного заградителя! Мало того, оказалось – господин Налетов уже заканчивает постройку двух систершипов, получивших забавные названия «Краб» и «Рак», на Николаевском заводе. И спуск их на воду намечен через две недели. Никто никогда и не слыхивал о проектах г. Налетова... А тем более о строительстве им каких бы то ни было подводных кораблей, тем более столь специфических, как подводный минный заградитель!

Насладившись нашими растерянными лицами, великий князь объявил о назначении нас с Анатолием Ниловичем командирами этих кораблей. Кому из нас каким командовать, тут же было разыграно наследником при помощи монетки – если орел, то я командир «Краба». Выпала решка! Отныне я – командир «Рака», и быть по сему.

ВК произнес краткий спич, в котором в немногих словах охарактеризовал ТТХ лодок, предполагаемую тактику и возможный район их применения. За дополнительными разъяснениями нам было предложено обращаться к господам присутствующим здесь инженерам. И ни к кому более! Потом предложил уточнить штат кораблей. Были обсуждены боевые посты и количество людей, потребное для их обслуживания.

В экипаже первоначально предусматривалось 49 человек, но, после обсуждения, решили увеличить штат до 53 человек. В завершение аудиенции ВК приказал составить списки экипажей кораблей из известных нам лично лучших специалистов русского флота, и, как он заметил при этом, «совершенно не стесняться» при составлении оных. Бедный Иван Григорьевич!¹ Мы с Анатолием выиграли у него почти всех стоящих людей!

Из головы не шел подписанный мною документ. Теперь-то я понял, каким образом великому князю удалось сохранить дело в тайне. Было бы полезным привести методы ВК на РИФ! Сколько бы освободилось прекрасных вакансий для дельных людей за счет одних только болтунов!

29.09.1902 г.

В ожидании прибытия затребованных людей под руководством г. Налетова мы с Анатолием в течение 10 дней бегло изучили устройство кораблей по чертежам. Мой тезка оказался на редкость приятным в общении человеком. Очень деликатным. Очень квалифицированным и очень знающим инженером. И кроме того – бесспорно гением!

Что же касается г. Найденова, то поначалу он оставил у меня впечатление человека крайне странного. Нарочито шокирующее поведение! Найденов как будто специально старался привести собеседника в раздражение и внимательно наблюдал за его поведением, делая какие-то свои выводы на его счет. Однако же пообщавшись с ним подольше, я понял, насколько прост и в то же время интересен этот человек! Он просто позволял себе считать ничемными и мешающими взаимопониманию условности, принятые в обществе, полагая их попросту смешными. Ну, да что с него взять! Тоже гений, но только знающий себе цену. Я просто принял его таким, каков он есть.

С раннего утра и до глубокой ночи мы, распивая чай, изучали чертежи и заваливали Михаила Петровича миллионами вопросов об устройстве механизмов и конструктивных особенностях ПЛ. И все больше приходили к убеждению, что созданные им корабли – недостижимая вершина подводного кораблестроения! По долгу службы я достаточно хорошо знаком с положением дел. Однако никакие лодки в мире не годятся в подметки чуду, созданному Михаилом Петровичем! Имея собственный опыт проектирования подводных кораблей, с полной ответственностью могу утверждать, что лодки, спроектированные г. Налетовым, превосходят все созданное в мире на семь голов! Более 700 тонн подводного водоизмещения! 53 метра длиной! 60 мин на борту! Возможность установки 100 мм орудия и двух 450 мм торпедных аппаратов. Воистину убийцы броненосцев и короли морей! Дальность хода в 3 тысячи миль! Проектная скорость предусматривалась в надводном положении до 15 узлов, подводная до 8 узлов. Совершенный сюрприз, в мире неизвестный вовсе – возможность хода на 8 узлах под перископом (два перископа – командирский и обсервационный, телескопической конструкции по 6 м, цейсовская оптика), на тринклеровских моторах с помощью специального устройства, названного Михаилом Петровичем РДП (работа двигателя под водой) снабжающего двигателя

---

¹ Бубнов И.Г. – соавтор Беклемишева в проектировании ПЛ «Дельфин».

и экипаж воздухом! Максимальная расчетная глубина погружения – до 25 саженей – обеспечивала полную безопасность корабля от столкновения с надводными судами. Весьма сложная, по сравнению с «Дельфином» система погружения, сконструированная совместно с г. Найденовым, предполагала переход корабля в подводное положение в течение 40–60 секунд! В целом же конструкция подводного корабля вызывала у нас ощущение детского восторга. Вынужден, скрепя сердце, признать, что наш с Бубновым «Дельфин» по сравнению с «ракообразными» выглядит донельзя бледно...

По любому вопросу, за исключением радио и гидроакустического постов, Михаил Петрович давал совершенно исчерпывающие пояснения. Что касается вышеупомянутых постов, то знакомил нас с оборудованием г. Найденов Георгий Андреевич. Данные им характеристики приборов привели нас с Анатолием в совершенное изумление. Радиостанции, установленные на ПМЗ, оказались способны поддерживать устойчивую радиосвязь на расстоянии до 2,5 тысячи километров. А при благоприятных условиях и значительно дальше! В том числе даже в режиме радиотелефонной связи. Просто говори и слушай! На расстоянии нескольких десятков миль! В перископном положении, господа! Так как антенна ближней связи выведена на трубу РДП! Уму непостижимо! (Кстати, г. Найденов упорно игнорирует морские мили, кабельтовы и сажени! Предпочитая им метрическую систему мер... Видимо, инженер Найденов не подозревает о том, что морская миля возникла не по прихоти туповатых мореходов, а равна 1 минуте дуги большого круга... или 1852 метрам в метрической системе. Впрочем, судовождение для инженера Найденова не является дисциплиной первой необходимости, за неиспользованием упомянутым инженером кривизны земной поверхности.)

Что касается гидроакустического поста, то данное устройство позволит в погруженном положении отслеживать шумы, издаваемые движущимися судами на расстоянии до 20–30 км, с высокой точностью определяя пеленг на источник, в зависимости от погодных условий и глубины погружения. И совершенно не зависит от прозрачности атмосферы и времени суток! Кроме того, в распоряжении командира имелось устройство, названное Найденовым «эхолот», позволяющее мгновенно измерить глубину под килем корабля с точностью до четверти сажени. Сказать, что и я и Анатолий пребывали в «полном обалдении», значит не сказать ничего.

С огромным нетерпением ожидали мы прибытия экипажей и переезда в Николаев для детального изучения лодок, что называется, «в натуральном виде». Наконец люди прибыли и подписали необходимые документы. Завтра личным поездом великого князя мы полными экипажами отбываем на Николаевский завод, принимать корабли. ВК Георгий Александрович и господа Налетов с Найденовым, а также племянница г. Найденова Мария Александровна для участия в церемонии спуска кораблей на воду вылетают бортом № 1 (аэроплан ЕИВ) несколько позже, намереваясь прибыть в Николаев несколько раньше нас. Надеюсь, что и мне когда-нибудь представится возможность покорить пятый океан!

07.10.1902 г.

Переезд в Николаев прошел непримечательно, что радует, поскольку нижние чины всегда горазды отмочить какую-либо каверзу. Однако ни пьянства, ни иных нарушений дисциплины в пути не случилось совершенно!

По прибытии в Николаев экипажи поселили в отдельной казарме местного гарнизона, запретив всякое общение с местным населением. Несмотря на непривычно жесткие требования, люди отнеслись к этому с пониманием. Вероятно, в памяти еще свежи требования подписанного нами обязательства. Хотя общаться с кем бы то ни было, времени совершенно не оставалось. Чрезвычайно плотный график обучения предусматривал для личного состава 16-часовой рабочий день!

На следующее утро, после приема пищи и развода, экипажи во главе с офицерами отправились на завод, где достраивались наши корабли. И вот мы впервые увидели их воочию на

стапелях. Я влюбился в эти корабли сразу, с первого взгляда! Соразмерность и гармония! Строгие обводы корпуса, диктуемые требованиями обтекаемости. Высокая закрытая рубка, сверкающая иллюминаторами. Сияющие бронзой винты изменяемого шага. Достаточно мощная немецкая 105-мм пушка. Как раз в этот момент рабочие краном сняли ее с «Краба», закрепили на деревянном основании и начали покрывать консервирующей смазкой. Полагаю, что она достаточно скоро вернется на свое законное место.

Строительные леса вокруг лодок уже снимались рабочими верфи. Корабли готовились к спуску на воду, устранялись мелкие недоделки. То тут, то там сверкали звезды электросварки, которую Михаил Петрович широко использовал при строительстве наших кораблей. Впервые в мире!

Охрана, получив распоряжение г. Налетова, позволила экипажам подняться на корабли. И вот наконец я на борту своего «Рака»! Кстати, я не преминул поинтересоваться у М.П., кто «окрестил» наши корабли. Обычный в России анекдот. Первый заложенный заградитель получил имя от своего создателя. А мой, как и следовало ожидать, от инженера Найденова... большого любителя черного юмора... мда-с. Однако мы еще покажем кое-кому, где зимуют русские «Раки»! Осмотрев рубку и оставшись весьма доволен увиденным, спустился вниз. И грешен, начал осмотр с собственной каюты. Пожалуй, правильнее будет сказать – «каюточки»! Койка и маленький столик, он же сейф. И легкая, просто легчайшая, сдвижная переборка, отделяющая каютку от остального корабля. Однако если сравнивать условия обитания экипажа ПЛ с миноносками, то, пожалуй, наши лодки несколько выигрывают в комфорте! Здесь, по крайней мере, не дует.

Трубы! Трубы и кабели! И снова трубы... весь корабль просто прошит ими. Но описывать в дневнике подробности устройства «Рака» не имею ни малейшего желания. Поскольку еще в Георгиевске, Георгий Андреевич с обычной своей искренней непринужденностью намекнул мне о том, что хранение подобных дневников – дело ответственное и чреватое неприятными неожиданностями. Я уловил ход его мысли, в поезде дневник пребывал в опломбированном портфеле с секретными документами под охраной вооруженных часовых, во избежание упомянутых случайностей А сего дня занял место в командирском сейфе «Рака». Кстати, о секретах. Я же обязан немедленно напомнить личному составу о режиме секретности в части, касающейся радиорубки. Доступ туда запрещен всем, кроме радистов, акустиков и вахтенного офицера. Нарушение этого требования считается актом шпионажа, с соответствующими последствиями для нарушителя. О чем предупреждает табличка, привинченная к СТАЛЬНОЙ (!) двери радиоакустического поста!

Спустя несколько часов, проведенных с большой пользой для дела, я сошел с корабля, дабы принять пищу. Прямо здесь же, в цеху, была устроена полевая кухня, обеспечивающая рабочих горячим питанием. Простым, но очень вкусным. Получив порцию отличного бефстроганов с картофельным пюре, большую кружку компота из свежих яблок и ложку, я присел за грубо сколоченный стол и принялся трапезничать. В этот момент со мною рядом деловито устроился с таким же набором пищи ЕИВ цесаревич! И пожелав мне приятного аппетита, неторопливо взялся оную уничтожить! Мою нелепую попытку встать во фрунт и доложить тут же пресек и, приказав «без чинов», продолжил свое увлекательное занятие, к которому я охотно присоединился.

После обеда экипажи продолжили изучение механизмов. Следует сказать, что каждый пост был полностью обеспечен инструкциями и технической документацией, выполненной просто превосходно! Чертежи в аксонометрической проекции, в цвете, очень наглядно, подробно и удобно для понимания. Очень доступным языком написаны инструкции, в которых разъяснялись устройство механизмов и приемы их эксплуатации. Оказалось, что разработка техдокументации – целиком заслуга Г.А. и... его племянницы! В экипажи отобраны люди технически вполне грамотные, и поэтому изучение материальной части происходило доста-

точно быстро. В случае любых затруднений пояснения немедленно давались непосредственно изобретателями. За каждым постом закреплялись дежурные книги, куда следовало вносить записи о малейших неполадках в работе механизмов, для последующего улучшения оных. К моменту спуска на воду экипажи уже несколько освоились с кораблем. До оценки «отлично» было еще, разумеется, невероятно далеко, но корабль сделался по крайней мере слегка управляем! Первый зачет на знание командой самого необходимого по матчасти был ею сдан в полном объеме.

Погода все время стоит отличная, солнечная, довольно тепло, ходим по-летнему, легкий ветерок.

Глава 6

Я отодвинул ноутбук, размял затекшие пальцы и подошел к зеркалу. Опять надо было срочно родить кучу писанины, с обеда я колотил по клавишам, так недолго невзначай и каким-нибудь Львом Толстым стать. Однако из зеркала на меня смотрела хоть и бородатая хамская морда, но все-таки моя, не графская, так что можно было творить дальше... Я писал документы к предстоящим балтийским учениям. Поначалу муза своевольничала и вместо сочинения чеканных параграфов искала, как бы назвать эти учения, чтобы аббревиатура представляла всем известное слово на букву «б», но не нашла и в конце концов вынуждена была заняться делом. Я написал общую часть, задачи сторон, а теперь предстояло заняться методикой оценки действий авиации. Вот летят, например, два «Пересвета». Как оценить воздушный бой между ними? Стрелять друг по другу они могут почти с любых ракурсов. Дать какие-нибудь преимущества нападающему?

Представьте себе, что по полу вашей квартиры навстречу друг другу ползут две черепахи. Вы сможете хоть сколько-нибудь точно определить, какая из них просто тупо ползет по своим черепашим делам, а какая спешит со всех ног, чтобы загрызть и затоптать противницу? Так вот, оценка боя «Пересветов» со стороны натывается на примерно такие же трудности. Значит, ладно. Если встречаются два самолета и определить, кто кого атаковал, невозможно, то с вероятностью в пятьдесят процентов один из них считается сбитым. То есть посредник два раза кидает кости – есть ли сбитый вообще и кто он. Теперь как быть, если один явно атакует и зашел с удачного ракурса – спереди-снизу, например? Те же два жребия, но если черная метка выпадает атакующему, еще раз бросить кубик. Снова подтверждается – он сбит, нет – сбит атакуемый. Да, пожалуй, так и запишем. Если двое атакуют одного – с вероятностью две трети кто-то будет сбит, причем с вероятностью пять шестых этот кто-то – который один. Если одного атакуют трое, то он сбит без всяких бросаний.

Теперь – аналогичная писанина с парами и тройками. Хорошо хоть больше ничего не надо, с каждой стороны будет воевать по девять «Пересветов» и три «Святогора». С этими проще – они не имеют оборонительного вооружения, кости кидаются только на их судьбу.

Я перечитал написанное. Вроде получается близко к реальности, во всяком случае главный вывод – летать или всем, или никому, при наличии авиации противника одиночный самолет – жертва. Разумеется, для «Тузиков» и «Бобиков» были бы приняты другие правила, но для «Пересветов» эти в самый раз.

Ладно, решил я, общие правила пока отложим и подумаем – а чем можно помочь «своим»? Без всяких штучек не только из нашего мира, но даже и георгиевского производства, не входящих в список открытой продукции? Раций на самолетах по условиям учений нет, как подавать сигналы? Можно качать крыльями, например... или бросать дымовые шашки, есть они тут или нет? Наверняка нет, а то бы я знал! Значит, сделаем, оно нам нетрудно. Состав – просто черный порох с избытком угля, можно еще сахара добавить. Надо заранее подготовить чаны для смешивания, а с началом учений посадить народ на алхимию. Сигнальные ракеты тут уже есть, только выбор цветов убогий, придется обойтись всего двумя. Дым, два вида ракет... может, летнаба заставить флажками махать, как сигнальщика на флоте? Что-то я сегодня тупой какой-то – мы же делаем прожекторы, причем и сравнительно маленькие, на двадцать четыре вольта, и это открытая продукция. Значит, на базу завезти десяток фонарей, а уж догадается ли противная сторона себе тоже их взять с целью морзить светом – ее трудности... Ну это пусть, а основная идея наших действий какая будет? Надеяться, что ее родит генерал-адмирал, у меня не получалось. Что я могу сказать про Макарова? Хороший флотоводец и рискованный, на грани авантюризма. Вот из этого и будем исходить. Значит, надо заранее построить свои пароходы так, чтобы у Макарова появилась возможность охвата головы нашей колонны. Но не просто

так появилась на блюде, он может что-нибудь заподозрить, а сопряженная с определенным риском, как у Того при Цусиме. Макаров точно рискнет, а вот тут надо будет хорошо подумать, как плотно заминировать именно тот маршрут, по которому он устремится к победе... Кстати, дым можно использовать, если его напустить побольше, и для завесы – скрыть что-нибудь на пути адмирала, вот только придумать бы что именно. Интересно, найдется в штабе у дяди Алексея хоть пара-тройка толковых офицеров?

Вообще октябрь в этом году предстоял каким-то суетливым, на днях вся наша команда собиралась слетать в Николаев на церемонию спуска на воду ракообразных. Я сильно подозревал, что одним полетом дело не ограничится, наверняка косяком попрут недоделки, если не хуже. Придется и туда портал протоптать, на предмет мгновенных перемещений в случае чего... Кстати, одно место в лодках мне уже сильно не нравилось – торпедный аппарат, а точнее, способ выпихивания торпеды из него. Налетов использовал для этого сжатый воздух – но наверняка часть его вырвется наружу и покажет всем интересующимся, где прячется лодка. А та часть, что останется в аппарате вместо торпеды, подгадит еще больше – только что там была вода, вдруг она заместила воздухом, плавучесть увеличилась, как бы лодку из-под воды не выкинуло... На всякий случай я нарисовал гидравлический выталкивающий механизм – может, и будет как-то работать, если воздушный окажется совсем негодным.

Через неделю мы слетали на спуск «Краба» с «Раком». Честно скажу, я испытывал даже нечто вроде зависти. Все-таки мои самолеты даже внешне походили на настоящие боевые не больше, чем котенок на саблезубого тигра, а вот лодки Налетова были совсем как настоящие! До этого подводную лодку я видел живьем раз в жизни, в одесском парке, она там стояла среди танков и выглядела ничуть не грознее «Краба». Надо, значит, поскорее автожир сделать, и тогда у нас появится первый в мире подводный авианосец, даже два... И с автоматикой для торпед надо будет помудрить маленько, а то сейчас прицеливание предполагается всем корпусом. Бред, по-моему, мы на половине «Пересветов» и то сняли курсовые пулеметы именно из-за того, что в силу неповоротливости аэроплана целиться было практически невозможно – а тут такая громадина! В курсовой автомат надо будет ввести возможность – как торпеда пошла, она сразу поворачивает на заранее установленный угол и потом выдерживает уже этот курс.

А сразу после торжеств – на самолет и в Георгиевск, дела не ждали...

– Таким образом, – подытожила свой краткий доклад Татьяна, – испано-французскую группу можно считать подготовленной.

– У вас, наверное, есть предположения о ее задачах? – поинтересовался я.

– Создание резидентуры во Франции, – пожала плечами собеседница, – залегендированной как выходцы из Латинской Америки.

– Все правильно, в порядке уточнения – это будет банк. Вот, возьмите, это список тех, которые в данный момент дышат на ладан. В принципе можно и купить, но хотелось бы, чтобы владельцы остались прежними. Однако наше влияние на них должно стать абсолютным – это уж вы решите, обаять их там до потери разума, напугать, нарыть или создать компромат, посадить на наркотики... или все вместе. В кратчайшие сроки этот банк сильно поднимется. Источники – помощь его высочества, деньгами и специалистами, и собственные ваши усилия. Нужны силовые группы для работы с конкурентами и просто местными недотепами, обремененными избытком денег. Костяк – наши люди, но надо будет постараться и установить связи с местной уголовной средой. Кроме того, там будет явно к месту еще одна партия экстремистского толка – социалистическая или какая, на месте разберется. Это не фигура речи, мне кажется, вам тоже совсем не помешает в Париж съездить по линии охраны материнства...

– Париж – это моя мечта, – восхитилась дама, – если бы вы знали, как я вам благодарна! А специалисты – это приехавшие вчера, да так и застрявшие в «Путаниуме» два господина?

– Они самые. Тут, кстати, есть тонкость. Главные-то в данном деле будут ваши люди, но этих тоже особенно третировать не надо, все-таки высочество выделило лучших...

– Уточните, – сразу посерьезнела Татьяна, – мои полномочия в отношении этих господ будут чем-то отличаться от тех, что я имею на своих сотрудников?

– Нет. Но желательно, чтобы они об этом не догадывались, по крайней мере до последнего, если он, не дай бог, наступит, момента... Его высочество в курсе.

– Ну что же, – улыбнулась дама, – как любит говорить ваш любимый Беня, «это мы будем посмотреть». То есть на месте посмотрим, до сих пор ли Париж стоит мессы или с тех пор что-нибудь сильно подешевело... Когда выезжать?

– Хотя сегодня, а насчет мессы – кажется, это у вас неплохая мысль, партия вполне может быть и с религиозным уклоном... В общем, действуйте, я надеюсь, что все будет происходить в вашем обычном стиле, то есть безукоризненно.

Франция была выбрана из-за ее на редкость либерального законодательства, как в экономическом, так и в политическом смысле.

Надо сказать, что за два часа до беседы с Татьяной я провел аналогичную с начальником шестого отдела, но только в качестве адреса назывались Соединенные Штаты, а в качестве бывшей родины – Россия. Бенины мальчики должны будут изобразить из себя сбежавших жертв царизма. А то как-то неправильно получается – Нью-Йорк есть, а Брайтон-бич почему-то нету... ну ничего, это теперь ненадолго.

А тут еще Гоша мне подкинул работку, небольшую, но тоже творческую. И ведь сам я на нее напросился! Началось это дело за очередным обедом у его высочества.

– Не подскажешь, где ты взял схему своего эхолота? – поинтересовался Гоша, – а то я тоже искал, но находил совсем другие, гораздо сложнее...

Рот у меня был занят, поэтому я просто постучал себя по маковке. Почему-то высочество было поражено этим жестом чуть ли не в самое сердце, даже вилку отложило.

– Как, – изумился Гоша, – ты хочешь сказать, что изобрел ее сам?

Я покивал.

– То есть ты смог походя, между делом, изобрести прибор, которого нет даже в вашем мире?!

Вот тут бы мне и еще раз кивнуть! Но котлета была уже прожевана, и меня потянуло поболтать.

– Сам принцип в нашем мире давно используется радиолюбителями, – начал я, закури-вая, – и даже в этом известен, правда чисто теоретически, считать длину волны тут умеют. Я просто взял готовое решение и перенес его в смежную область, это стандартный прием решения несложных изобретательских задач.

– Но почему же у вас никто этим стандартным приемом не воспользовался?

– А я знаю? Скорее всего, не нужно это было никому, когда понадобился эхолот, уже были технические возможности городить гораздо более сложные схемы... Вообще инерция мышления – страшная вещь. Знаешь, как делаются эпохальные изобретения и открытия? Все образованные люди в курсе, что какая-то вещь невозможна. Но находится один недоучка, который этого не знает, он-то все и делает... Хочешь пример про изобретение, буквально изменившее лицо нынешнего мира?

Гоша налил мне пива и приготовился слушать.

– Хлопок долгое время очищался вручную, рабами, – начал я. – Но потихоньку рабы дорожали, и процесс становился нерентабельным – то есть весь процесс выращивания хлопка.

Дело шло к тому, что еще через десяток-другой лет рабство в южных американских штатах отмерло бы само собой... Но тут в гости к семье небогатых плантаторов приехал механик Эли Уитни. За обедом, ну прямо как у нас с тобой, ему пожаловались на проблему. Надо сказать, что решить ее пытались уже давно – нанимали ученых, те смотрели, как рабы шелушат хлопок, делали машины с пальцами, в общем, извращались по полной программе. В результате задача была признана нерешаемой на данном уровне развития техники.

Уитни был родом с Севера, хлопок не видел ни разу в жизни и как его очищают от зерен, естественно, тоже. Как любому порядочному изобретателю, ему было лень тащиться куда-то в другой конец усадьбы и смотреть, чего там делают негры. Я бы, кстати, тоже не пошел, тем более после обеда... Уитни велел принести ему немного хлопка и показать, что в нем является полезной составляющей, а что подлежит удалению. К вечеру хлопкоочистительная машина была готова, но ее действие ничем не напоминало работу негровских рук. Через месяц ее пиратские копии наводнили весь Юг, начался хлопковый бум, рабство вновь стало рентабельным на многие десятилетия, кончилось это все американской Гражданской войной... Вот такие пирожки с котятками.

Гоша внимал, пиво было превосходным, что подвигло меня на новый приступ красноречия.

– Сам подумай, ведь простейший планер можно было построить еще в Древней Греции! И отлично он бы летал, там же горы и море, как в Коктебеле, пари хоть с утра до вечера! А воздушный шар из папируса прекрасно склеился бы при первых фараонах. Но все образованные люди знали, что человек не птица, крыльев не имеет... А вот пример, после которого говорить про творческий потенциал человечества просто неудобно. Телескоп был изобретен через триста лет после появления первых линз! Триста лет люди вертели в руках увеличительные стекла и не догадывались, что можно просто взять и посмотреть на что-нибудь не через одно, а через два...

Гоша в волнении встал.

– Так, значит, ты относишься к тем немногим, которые не подвержены инерции мышления? Знаешь, что-то такое я давно чувствовал...

Вот тут бы мне опять взять и скромно промолчать! Недаром сказано – если у тебя есть фонтан, заткни его...

– Есть специальные методики выработки неинерционного мышления, – сообщил я, – их разрабатывал некто Альтшуллер. Официальная советская наука, насколько я помню, относилась к ним с подозрением, но они работают – это я тебе как заслуженный изобретатель говорю, все-таки два десятка авторских, да и не на все я подавал заявки.

– И что, ты там у себя тоже изобретал что-нибудь невероятное?

– Дай вспомнить... да, было. Про электротехнику ты уже вроде имеешь неплохое представление? Так скажи мне, возможно ли сделать мгновенно действующий плавкий предохранитель? Именно мгновенно, чтобы превышения тока в цепи не было вообще? При конечной толщине проводника, естественно.

– Невозможно, – твердо сказал Гоша.

– Вот-вот, и наш ученый совет тоже так думал, хотя у них на столе лежали результаты испытаний... Кончилось это тем, что для себя я наклепал таких кустарно, надоело мне транзисторы килограммами жечь при разработке первого сварочного инвертора, а эту штучку потом одна американская фирма выпускала под названием «лимистор».

– Украл? – посочувствовал Гоша.

– А что им, смотреть, как вещь пропадает? Естественно, скоммуниздили. Но порядочные люди оказались, уже при перестройке нашли меня, пригласили в Штаты отдохнуть, присмотреться, может насовсем к ним перебраться... Только не понравилось мне там, Америка – это не место для белого человека, подзаработал я там малость и домой, в Россию.

Я затушил бычок и уточнил:

– У нас, кстати, двое интуитивно владеют такими методиками – Тринклер и Налетов.

– И ты спокойно на это смотришь? – возмутился Гоша. – Вот что, даже не надо этого Альтшуллера тут издавать, опиши все своими словами, у тебя наверняка понятней выйдет...

– Ты мало насмотрелся, что выходит, если я начинаю излагать мысль своими словами? – удивился я.

– Ну, – вынужден был признаться Гоша, – некоторые краснеют... но ничего, пусть будущие инженеры привыкают к русскому командному языку. В общем, пишите, Шура, пишите!

Глава 7

Последнее время я не так уж часто видел племянницу – она обитала в основном в Москве, в штаб-квартире Гошиного концерна, цесаревич мотался между Москвой и Георгиевском, благо недалеко, час лета, а мне в Москву надо было только на встречи с Жуковским, то есть довольно редко. Но тут она прилетела вместе с Гошей, решив устроить себе небольшой отпуск. Погода выдалась нормальной для конца осени, и мы отправились на природу, употреблять шашлыки, благо для этой цели достаточно было отойти метров на триста от Гошиного дворца.

Шашлыки пошли хорошо, умеренное количество водки под них тоже, и началась беседа, причем Маша в подпитии оказалась склонна к решению мировых проблем.

– Мы сейчас живем в историческое время, – торжественным тоном сообщила она нам, – когда устанавливается порядок, ставший потом господствующим... По прикидкам наших аналитиков, именно сейчас продажа денег начала ощутимо превышать продажу товаров. Дядя Жора, вот ты тоже тут живешь, неужели у тебя не появилось новой мечты на этот счет?

– Старая окрепла, – буркнул я.

– А что за мечта, со мной не поделитесь? – заинтересовался Гоша.

– В неокрепшем виде она звучала как «эх, вот бы передавить их всех», – хихикнула Маша, – а что теперь, я не знаю.

– А теперь – в ров их, гадов, пулеметов побольше, и на каждый по два запасных ствола, – пояснил я, – но увы, она хоть и окрепшая, но все-таки мечта, то есть нечто эфемерное... Вот как у нас танки появятся, тогда да.

– Э-э-э... – забеспокоился Гоша, – это вы кого тут во рву собрались давить танками, уж не евреев ли?

– Фи, – фыркнула Маша, – любимый, антисемитизм тебе не идет. А дядя мечтает насчет финансистов... Торговцев деньгами, если точнее.

– А если еще точнее, то нас с тобой?

– Нет, – возразил я, – вы, если можно так выразиться, жертвы обстоятельств. Ну понадобились нам средства, на большой дороге сейчас много не награбишь, вот вы и вынуждены были... Да и не вы этот порядок придумали.

– А за что тебе этот порядок так не нравится? – сел поудобнее Гоша.

– Мы вроде пока не торопимся? – уточнил я. – Тогда начну с определений. Вот вы, значит, люди с техникой довольно близко знакомые, и представьте себе некий механизм. Когда его изобрели, он обладал приемлемым коэффициентом полезного действия. Потом этот механизм начали совершенствовать, но любое улучшение приводило к падению КПД, и сейчас он допался уже не то до двух, не то вовсе до полутора процентов, а ведь поначалу было даже больше пятидесяти...

– Я бы решил, что в самой идее такого механизма заложена системная ошибка, – осторожно сказал Гоша.

– Возможно. Денежная система – это механизм обеспечения хозяйственной деятельности человечества, согласны? Его КПД – это отношение суммы сделок с присутствием реальных товаров к сумме сделок, в которых товара нет вообще! В идеале такого не должно быть, но идеал недостижим... Так вот, к двадцать первому веку объем сделок второго типа превысил первый почти в восемьдесят раз. Это если считать только чистые махинации «деньги-деньги», а если сюда добавить и те, где товар присутствует фиктивно, то вообще получается кошмар. Чтобы замаскировать это безобразие, деньги велено было считать тоже товаром... В развитых странах нашего мира на одного производящего материальные и духовные ценности приходится порядка пяти, распоряжающихся его деньгами. Тонкость заметили? Объем почти в сотню раз больше, а численность только в пять! То есть эти распорядители потребляют в десятки раз

больше производящего, а это лично мне говорит о том, что никакой стихийностью здесь и не пахнет. Имеет место быть хорошо спланированная акция, в нашем мире кончившаяся полной победой – оттого меня туда и не тянет. Здесь пока победа этой сволочи еще не полная, можно потренироваться... в том числе и при помощи танков.

– Постой, ты что, вообще против любых финансовых операций? – восторженно Гоша.

– Нет, есть полезные. Производственный кредит, например. Но в большинстве своем существующие системы предназначены не для улучшения производства, а для снятия своего процента с любой деятельности людей в любой точке земного шара. Причем по мере развития слово «процент» явно заменяется словом «сливки». Вот тебе пример из нашего мира. Что нужно сделать китайцам, чтобы заработать миллион? Построить корабль, например. А американцам? Один от фонаря рисует на бумаге единицу с шестью нулями. Другой на деньги, принудительно изъятые у тех же китайцев, покупает этот пипифакс за лимон и тут же продает третьему за два. А уж потребительский кредит – это вообще песня. Вот хочет какой-то урод жить в своем доме. Денег у него не то что на дом – на собачью конуру нету, но ведь хочет же! И китайцы строят ему дом... Ладно бы они лично ему поверили, что он вот прямо по вселении прекратит маяться херней, начнет работать и лет через десять с ними расплатится... А так им просто недоплатят за работу, другим тоже, вот он и бесплатный дом, а сливки банку.

– Но ведь по-другому невозможно! – не отступал Гоша.

– Ой ли? Ты в какой стране сейчас живешь? И почему ваши самые выгодные сделки идут через несколько дочерних фирм и посредников – вы же законы не нарушаете? Правильно, для сохранения имиджа. Но ведь то, что ты лично ковыряешься в самолетных моторах, руководишь несколькими производствами – то есть занимаешься реальным делом, твоему светлому образу несколько не вредит? Даже наоборот. А живи ты во Франции, стал бы ты так конспиривать? В России пока уважаемый человек – промышленник, купец. Спекулянт товарами в глазах общества на ступень ниже. А уж спекулянт деньгами совсем внизу... Кроме России в этом мире есть еще две страны с похожей идеологией. И система ограбления человечества при помощи финансовых механизмов не может нормально функционировать, пока это так! Первый бой они уже выиграли – две страны из этих трех вот-вот сцепятся. В нашей реальности потом была и война России с третьей... Ты понял, к чему я клоню?

– Да. Ты считаешь, что нашей победой в грядущей войне будет не разгром Японии, а создание такой ситуации, при которой она станет нашим союзником? Я тоже думал над этим...

– Вот-вот. А если удастся склонить к этому союзу еще и Германию, то пусть Англия с Америкой там друг друга грабят, я не против. Но ведь не выйдет, при первых признаках такого союза на нас, забыв распри, набросятся сразу все, включая Швейцарию! Вот тут танки и понадобятся. И не только танки, понятно...

– Снайперские винтовки, – подсказала Маша.

– Если как аллегория, то да, а вообще-то Татьяна с Бенеи могут и тоньше действовать. Я уже начал процесс выяснения персоналий. Их не так много, вместе с холуями всего несколько тысяч... При угрозе войны начнется массовая акция. Понятно, что навсегда систему не обезглавить, но то, что в самый ответственный момент она останется без руководства – уже хорошо.

– Ладно, а что ты предлагаешь в России – поставить банки под жесткий контроль государства?

– Конечно. Причем даже американцы, как подперло, сделали что-то подобное, вспомни Великую депрессию. Потом, правда, опять началось... России проще, если сохранится монархия, естественно, потому что любая выборная власть продается и покупается еще до выборов. И, кстати, все эти затеи с неограниченной конвертируемостью рубля мне как-то не нравятся.

– Мне последнее время тоже, – мрачно сказал Гоша, – идет процесс захвата ключевых постов в российской промышленности иностранцами. Я тут иногда даже думаю – должен же

твой шестой отдел на чем-то тренировать сотрудников? Пусть пакостят по мелочи, я могу подготовить список наиболее вредных...

– Обязательно, и Танечкина служба в стороне тоже не останется.

– Ага, значит нам еще и с немцами дружить, – задумалась Маша, – а почему тогда кайзеру до сих пор «Пересвет» не подарили?

Мы с Гошей молчали, как-то нам не приходило в голову подойти к проблеме с этой стороны.

– Ведь ты, Гошенька, пока еще никакой не царь, дипломатического резонанса это не вызовет, а вот налаженные личные отношения – большое дело. И что за ерунду Витте выдумал с таможенными тарифами? На месте немцев я бы обиделась...

Маша пошевелила палкой догорающие угли, с сожалением посмотрела на еще оставшийся шашлык, но пересилила себя, блюдя фигуру.

– Кстати, а ведь в нашем концерне одной службы явно не хватает, – продолжила она. – Если надо кому-нибудь сделать бяку, есть шестерка и служба этой... в общем, «Дом». А если понадобится, вот как мы сейчас задумались, с кем-нибудь подружиться? Нужно что-то вроде зародыша министерства иностранных дел...

– «Отдел внешних сношений», – предложил я. – И организовывать его лучше Гоше, как великому князю, высочеству и вообще культурному человеку.

– На четырех языках говорит свободно, в отличие от некоторых! – наябедничала Маша.

– Тем более. Так что, ваше высочество, позвольте вас поздравить с еще одной должностью.

– Да, пожалуй, придется, – вздохнул Гоша, – вот только название... ладно, пока сойдет. И, значит, первой задачей новой службы станет налаживание личных контактов в Германии. Удачно, однако, у нас с Цеппелином получилось, он ведь теперь напрямую вхож к кайзеру...

– Слушайте, – вспомнил я, – мне же вчера письмо от него пришло, он теперь мечтает о трансатлантическом перелете! Но на двухтактниках долететь можно разве что только до середины Атлантики, да и то при очень большом везении... Надо будет Густава озадачить на облегченный вариант тринклера, нам же он потом для танков пригодится, а делать немцы и так половину деталей делают... Ладно, так и быть, пусть у них появится нормальный мотор, на самолет его все равно не поставишь.

– В Германии есть довольно сильная антирусская партия, – заметил Гоша.

– Это еще полбеда, – вздохнул я, – а вот то, что у нас тоже есть своя антигерманская свора, хуже. И возглавляет ее, между прочим, вдовствующая императрица...

– Возможно ли ее переубедить, ты же имеешь на нее влияние? – неуверенно поинтересовался Гоша.

– Ты так плохо знаешь свою мать? Переубедить ее нельзя, лучше и не пытаться. Ее можно убедить в том, что на данном отрезке времени нам необходимы хорошие отношения с немцами – как политик, она это поймет. Хорошо еще, что я при ней до сих пор никак не обозначал свое отношение к этой проблеме. Так что мне придется делать вид, что я люблю колбасников ничуть не больше нее, вот только Цеппелин исключение, но в силу сложившейся обстановки вынужден строить любезные рожи, типа для блага России я еще и не то могу... и ожидаю от нее аналогичного самопожертвования.

– Та-ак, – достал блокнот Гоша, – пора, значит, резко увеличивать наше участие в проектах графа Цеппелина. Создание ряда предприятий воздухоплавательного профиля, действительно трансатлантический проект запустить...

– Да ну ее, эту Атлантику, – махнул рукой я, – в ближайшие три года графу ее не перелететь, хоть он наизнанку вывернись, это только на далекую перспективу. Но вот дирижабельная авиалиния Берлин – Багдад, это вещь! Кайзер давно мечтает такую железную дорогу построить, но там Турция, наускиваемая Англией, кочевряжится... А могучие цеппелины, гордо

пролетающие на недостижимой высоте, чихать хотели на мнение расположенной внизу местной мелочи по этому вопросу.

– Неплохо, – одобрил Гоша, – но это придется тебе, ты уже достаточно засветился как приятель графа. Денег дадим, да, дорогая?

– Родному дяде и не дать? Обязательно дадим, сейчас прикину, что мы можем быстро... Так, в декабре найдем миллиона три с половиной и потом в конце января еще два.

– Выходит, сразу после учений я – в неметчину. Кстати, наши с графом предприятия – это же будут АО, и тамошние акционеры – готовый костяк пророссийской партии. Это я к тому, чтобы с дивидендами не жадничать, на святое дело и из своих доплатить немножко можно...

– Хорошо мы сегодня посидели, – заявила Маша, – закругляемся или еще какие-то глобальные планы остались недостроенными?

– Только начали, – удивился я, – и закругляться? А с Францией как быть, союзница, мать ее!

– Я тогда быстренько посетую вон те кустики, – встала Маша, – и чтоб без меня Францию не трогали, а то знаю я вас!

Мы послушались. Гоша употребил еще сто грамм и принялся за очередную порцию шашлыка, я приступил к пиву.

– Так как там прекрасная Франция? – спросила вернувшаяся Маша.

– Свиначит, – пояснил я. – Условия кредитов грабительские, японцам деньги дает, во внешней политике палки в колеса ставит... Договор у нас с ними о чем? О дружбе! Разве друзья себя так ведут?

– Я читал, что в вашей реальности французы ограничивали заход в свои порты кораблей нашего флота, уголь не продавали, – добавил Гоша.

– Они тут то же самое будут делать! Вот и скажите мне, на фиг России такой союзник? Воевать они за нас, что ли, будут? – потянулся за новой бутылкой я.

– Но все-таки, как ты предлагаешь быть с договором? – не унимался Гоша.

– Очень просто. Как только на российском троне окажется император Гоша Первый, он первым делом возопит: «Да что же вы, гады, творите, разве союзники так поступают? А ваши проценты, это же грабеж! В общем, если вы подтвердите свои добрые отношения к нам, предоставив беспроцентный кредит лет на двадцать в размере двух уже даденных, шуганете в отставку правительство и официально извинитесь за то-то и то-то, то так и быть, мы с вами еще подружим маленько. А нет – подите в задницу со своим союзом!»

– А они потребуют досрочного возврата кредитов, – возразил Гоша.

– На каком основании? – удивилась Маша. – Что, в наших обязательствах есть какие-то политические условия? Впрочем, можно учинить и досрочный возврат, если уж им так захочется. Пусть достойные доверия люди на следующий день под большим секретом заявят, что своими ушами слышали, как император сразу после оглашения того заявления простыми матерными словами объяснил для приближенных – лично от него лягушатники дождутся только того самого в соответствующее место, а вовсе не возврата долгов. И на следующий день исчезает из досягаемости – летит на дирижабле Северный полюс открывать, например, он у нас такой, император, я имею в виду, а не полюс. Долговые обязательства падают, мы их скупаем, потом Гоша слазит с дирижабля, рычит на болтунов, парочку даже в отставку отправляет... При некоторой удаче мы тут еще и подзаработаем. Точно, прямо сразу по возвращении в Москву я под это дело АО создам, оно потом российские долги и будет обслуживать.

– Можно даже не создавать новое, – предложил Гоша, – а использовать то, что мы для сделали для операций с Австрией, «Самшит», кажется?

– Отличное название для внешнеторговой конторы, – восхитился я, – мне даже завидно, что не я придумал. Кто автор?

Молодежь непонимающе смотрела на меня. Так они что, случайно?

– Some shit, – по возможности с лондонским произношением пояснил я.

Маша захохотала, Гоша тоже улыбнулся.

– Значит, резюмируем, – сказал он, вставая. – Насчет кому «сам шит», подумаем мы с Машей. Ты начинаешь новые дела с графом. И, кстати, «Пересвет» пусть ты кайзеру подаришь, думаю, Цепелин поможет с аудиенцией. И в процессе ты намекнешь Вильгельму, что вообще-то я хочу дружить, но Ники против, маман будет в ярости, увы, мне... Пусть начинает думать.

Глава 8

Надо будет прямо на обложках наших авиационных наставлений писать: «но не держись устава, яко слепой стены!» – подумал я, глядя с пятикилометровой высоты вниз. Там тройка самолетов группы «Южных» явно искала меня, но пока без особого успеха. С «Пересвета» в силу особенностей его конструкции вверх смотреть не очень удобно... но они ведь вообще не смотрели, вот в чем дело! Конечно, залезли на четыре километра, это паспортный предел высоты, и думают, что теперь выше них только Господь Бог. Однако хрен вам, дорогие товарищи, тут еще и я есть, генерал-майор Найденов собственной персоной!

Я узурпировал себе единственный у «Северных» гражданский «Пересвет» с закрытой кабиной. В ноябре и у земли холодно, а уж на высоте... Правда, пришлось мириться с отсутствием пулемета, но мне он был и не особо нужен. Летнаба я тоже не брал, вместо него был дополнительный запас бензина. Ну и, конечно, маленькая хитрость, с помощью которой я и смог забраться на пять километров – перед взлетом я до предела обеднил смесь своим движкам. Мало того что упала мощность, так при даче газа на полную еще и начиналась детонация! Покрываясь холодным потом при очередном стуке из моторов, я, играя газами, потихоньку тянул машину вверх. Наконец на двух километрах движки заработали терпимо, потом на трех нормально... К Готланду я подлетел на пяти. Мне надо было определить, как будет обходить этот остров вражеская эскадра – с севера или с юга. Естественно, Михаил поставил своим пилотам задачу этого не допустить, вот они и старались вовсю, мерзли, бедняги, в открытых кабинах, портили глаза в тщетных попытках углядеть меня сбоку или снизу... Еще одна тройка болталась по другую сторону острова, но там я уже был.

Так, вот и супостат... Он плыл гуськом, колонну возглавляли четыре новейших броненосца – «Ретвизан», «Победа», «Саша Третий» и «Ослябя» (ей-богу, я совершенно ни при чем, что в одном из приказов он именовался «Ослябя», это ошибка писаря). Кто из них кто, я разобрать не мог. Далее шли четыре корабля такой же длины, но заметно уже – крейсера «Боярин», «Диана», «Богатырь» и «Паллада». Чуть сбоку бодро плыл кораблик чуть поменьше, скорее всего «Новик». Я сосредоточился на головном корабле. Блин, такое впечатление, что эскадра будет не обходить, а таранить остров... Оставалось ждать, запас бензина позволял вести разведку еще пару часов. Но ведь холодно же! Бросив управление и напевая про себя «дуба дам, дуба дам, дуб-дуб-дуб-дам», я захлопал руками и затопал ногами, пытаюсь согреться. А каково, однако, пилотам противной стороны, сидящим в открытых кабинах без всяких каталитических грелок? И когда же этот Макаров повернет хоть куда-нибудь, а то ладно я, но ведь его летчики точно в сосульки превратятся... Так, вроде головной поворачивает налево... подождать минут пять для ясности. Точно, и второй туда же повернул! Теперь осталось убедиться, что Макаров не собирается разделять эскадру, это для верности полчаса. А потом на аэродром, и сразу – стакан водки! Хотя чего там мелочиться, после такого полета меньше двух будет опасно для здоровья.

Через полчаса полета впереди показался наш миноносец, выставленный для передачи моего сообщения. Я покачал крыльями, он мигнул прожектором – «вижу вас». Я демонстративно повернул налево. Миноносец снова замигал – «вас понял, эскадра идет южнее острова». Теперь он передаст это по радио в штаб эскадры «Северных».

По приземлении я проверил готовность своей авиации. У нас пока еще никто не летал, я берег самолеты к решающему моменту, и, похоже, правильно – авиагруппа Михаила без всякой нашей помощи уже лишилась двоих, причем один упал в воду. Пилота вроде удалось спасти, но вряд ли ему сильно похорошеет от купания в такое время года...

Нашу эскадру вел якобы генерал-адмирал, а на самом деле Небогатов. Его главный недостаток в данном случае обернулся достоинством – попробовал бы какой-нибудь паршивый

генерал-майор, да будь он хоть другом всех великих князей и любовником всех императриц, указывать Макарову! Сразу отправился бы на... или дальше, а Небогатов внимательно меня выслушал, задал необходимые вопросы и сейчас вел эскадру на врага. Задачей моей авиации было в строго определенный момент «ликвидировать» южных разведчиков с востока от нашей эскадры и якобы невзначай отпустить одного-двух с запада. Я ждал, от волнения даже забыв выпить водки, – приближался решающий момент кампании.

Наконец пришел кодированный сигнал со «Светланы» – началось! Завыли моторы взлетающих один за одним «Пересветов»... Мне тоже было пора, но, увы, не лететь, теперь мой невооруженный самолет был лишним в воздухе, а плыть... Я отправился на «Забияку», куда незадолго до этого были доставлены чемоданы с моим барахлом – предстояла особая задача.

Тем временем западнее острова Готланд обе стороны увидели друг друга. Противник шел кильватерной колонной со скоростью порядка семнадцати узлов. Наши имели более сложное построение – три колонны, слева четыре броненосца, в центре и с небольшим отставанием три современных крейсера, а справа антиквариат, то есть «Минин» с «Памятью Азова». Позади левой колонны суежилась минная мелочь. Курсы эскадр пересекались под острым углом. У Макарова было два пути – одновременным поворотом сразу всех кораблей зайти со стороны антиквариата или, пользуясь преимуществом в скорости, последовательно повернуть западнее курса наших броненосцев. При этом в точке поворота его корабли оказывались под огнем наших, сами имея ограниченную возможность ответить, но зато потом вся его эскадра охватывала голову нашей броненосной группы, а крейсера оказывались в зоне перелетов по основным целям... Макаров выбрал именно этот путь.

А мои самолеты выполняли свою задачу. Михаил сделал ставку на разведку до боя, и я не собирался ему особенно мешать; но вот во время боя его самолеты в небе будут ни к чему. Не факт, что они успеют сообщить Макарову об изменении обстановки, но рисковать не хотелось.

По регламенту учений стороны могли набирать очки тремя способами – уничтожать корабли противника, атаковать «район высадки десанта» и выйти на «пути морского снабжения». Как только Макаров начал свой маневр, Небогатов тут же начал мой...

Это только со стороны казалось, что «Светлана» идет первой в колонне современных крейсеров. На самом деле она их как раз в это время обгоняла на своих почти двадцати трех узлах и теперь резко повернула вправо. Ее сопровождали три миноносца. Что может подумать Макаров, увидев этот маневр? Что наглая «Света» решила прорваться в район путей снабжения, потому как в эскадренном бою ей все равно ничего не светит... и вряд ли он станет отвлекать на нее огонь броненосцев, скорее отправит на перехват пару крейсеров с миноносцами. И действительно, «Новик» взял чуть правее и начал разгоняться.

Тем временем потихоньку начался огневой контакт – флагман противника «Ретвизан» прошел точку поворота. Ему засчитали три попадания, в результате которых он лишился одной из шестидюймовок правого борта и узла скорости. Начался обстрел идущего вторым «Саши Третьего»... Наши пока обходились без потерь. А «Света» наконец оказалась точно по курсу флагмана! Тут же два миноносца выскочили вперед и подожгли контейнеры с дымовухой – якобы чтобы скрыть «Свету» от прицельного огня противника, а на самом деле – чтобы никто не видел, чем она теперь занимается... Весь наш запас «плавучих мин», то есть здоровенных деревянных чурок, был сосредоточен на «Свете» и оставшемся миноносце – они были завалены дровами чуть ли не по мостик. И наконец начали избавляться от хлама на палубе...

Оставалось надеяться, что группа офицеров небогатовского штаба не зря два дня пыталась найти методики учета ветров и течений при сбросе подарков Макарову. Собственно, задача «Светланы» на этом была выполнена, дальше ей следовало, пользуясь преимуществом в скорости, удирать куда-нибудь, желательно, конечно, на пути снабжения противника, только туда ведь могут и не пустить... Но генерал-адмирал пошел на отсебятину.

Продолжая прежний курс, «Светлана» теперь оказалась слева от флагмана, примерно в пяти милях. И вдруг она сбросила скорость и открыла огонь по «Ретвизану»! Макаров оказался в интересном положении. Результативность огня засчитывали по предварительным стрельбам, а на них только «Света» показала попадания из шести дюймов с такой дистанции! То есть отвечать из вспомогательного калибра он не мог. Блин, если бы он слегка отвернул и сократил дистанцию с обнаглевшим генерал-адмиралом, весь наш план пошел бы насмарку! Но Макаров решил не обращать внимания, к месту событий приближались «Новик» с «Палладой», они разберутся... А пока «Света» деловито жгла боезапас – каждую минуту «Ретвизану» засчитывали по попаданию.

У наших броненосцев дела шли строго по плану, то есть весьма хреново. Головной «Сисой» словил уже с десятков снарядов главного калибра, лишился командира, половины офицеров и трети артиллерии. Шедший за ним «Ушаков» с Небогатовым на борту пока держался, а вот «Николаю Первому» не повезло – на втором попадании ему выпало «Взрыв носовых погребов», и теперь он болтался в стороне от строя с единственной пушкой и без хода. Затесавшемуся в компании броненосцев «Баяну» тоже досталось, а вот «Аскольд» под шумок сбежал. Нечего ему было делать в этой свалке, пусть лучше попробует прорваться к «месту высадки»...

Но все на свете имеет один конец, и «Ретвизан» наконец доплыл до чурок. Посредники на его борту вдруг обнаружили, что море за бортом больше напоминает суп с фрикадельками, и пошли доклады – первая мина есть, вторая... На третьей броненосец «затонул со всем экипажем». Только что эскадра Макарова являла собой образец прекрасно управляемого соединения – но вот командир «погиб», и соединение превратилось в толпу. Шедший вторым «Саша Третий», вместо того чтобы ударить по тормозам (или что там у него вместо них, контрпар?), попытался отвернуть и тоже вляпался в мину. «Ослябя», обходя мины, оказался под огнем практически всей нашей эскадры, сам находясь носом к ней... Чаши весов фортуны начали клониться в другую сторону. Или это у фемиды весы? В общем, «Южным» стало нехорошо.

А я тем временем удалялся от места событий – мой корабль, к удивлению посредника, держал курс на Выборг. Справа на горизонте мелькнул и исчез дымящий всеми пятью трубами «Аскольд» – он спешил к Пулкову. Потихоньку начинался ранний осенний вечер, я стал распаковывать один из чемоданов.

Когда в состав группы «Северных» был включен «Забияка», я как-то не обратил внимания на этот факт, но стоило только увидеть этот «крейсер» вживую... речной трамвайчик вы себе представляете? Вот и это было нечто вроде того, только малость подлиннее и с мачтами. На его мостике еще можно было чувствовать себя капитаном Бладом, но уж никак не адмиралом Уриу, не говоря уж о Того с Камимурой. Поэтому я, подумав, решил использовать эту мелкую посудину для мелкой пакости «Южным». Теперь она всю ночь должна была потихоньку красться вдоль берега, чтобы к утру оказаться в Маркизовой луже, между Кронштадтом и Питером. Свободные от вахты матросы сколачивали из нашедшихся на борту досок нечто условно-шарообразное. Посредник сообщил об этой деятельности в свой штаб, но, судя по всему, никаких инструкций не получил и теперь с интересом ждал развития событий. Наконец часов в пять утра капитан сообщил мне, что мы на месте.

В воду полетели сделанные за ночь гибриды противотанковых ежей с собачьими будками. А матросы бодро расставляли на палубе извлеченную из моих чемоданов загодя приобретенную в нашем времени китайскую пиротехнику.

– Давайте, ребята, дергайте за веревочки, – предложил я. Вокруг завывало, засвистело, заухало... В небе расцветали невиданные тут разноцветные фейерверки.

– Что это? – спросил малость обалдевший посредник.

– А это мы прорвались к вражеской столице (я махнул рукой в сторону спящего Питера), завалили всю бухту самодельными минами и вот теперь обстреливаем правительственные зда-

ния. В регламенте учений такого нет, это я просто из любви к искусству разыграл небольшой этюдик... Правда красиво вышло, ни одна собака даже и не почесалась?

Окончание учений я банально проспал – как лег после своего салюта, так и встал в два часа на следующий день, когда войнушка уже завершилась. Я без особой спешки пообедал на корабле и сошел на берег. Дождаться общего разбора учений смысла не было, в Георгиевске полно дел, Михаил по пути на Волгу туда обязательно заскочит, да и с Гошей мы будем обсуждать результаты именно там. В Гатчине я написал генерал-адмиралу поздравительное письмо, сделав упор на его блестящую импровизацию, в значительной мере определившую исход Готландского сражения. Письмо заканчивалось словами «так что сами видите – зря вы сомневались в своих способностях руководить современным морским боем». Отправив эту хвалебную оду с нарочным, я сел на борт № 1 и отбыл в Георгиевск.

Через пару дней туда прибыл Михаил, привез официальные результаты учений. По очкам выиграли «Северные». Выход на коммуникации противника осуществили обе стороны, но мы успели раньше. Прорыв к месту высадки десанта получился только у нас. Бой у Готланда был признан победой «Южных» – мы действительно потеряли на один корабль больше. Правда, учитывая, какие корабли имелись с той и другой стороны, результат получался неоднозначный. Макаров ходил хмурый и говорил, что недооценил значения мин как наступательного оружия.

– Как у вас получилось поднять «Пересвет» на пять километров? – задал наконец Мишель не дававший ему покоя вопрос.

– Вам как отвечать, господин полковник, с соблюдением правил хорошего тона и субординации или как есть? – поинтересовался я.

– Как есть, – несколько напряглось младшее высочество.

– Потому что я думал головой, а не тем, что ниже спины! Вы что, не понимали простую вещь – в тех условиях высота полета имеет решающее значение? Или за время своего начальствования успели забыть и тот минимум теории, который я давал вам в школе? Отвечайте мне – что делает в моторах «Тузика» и «Бобика» высотный корректор?

– Изменяет положение иглы карбюратора в зависимости от атмосферного давления, то есть высоты, – отрапортовал Михаил.

– Теперь вы понимаете наконец, что я сделал на лишенных этого автомата движках «Пересвета»?

– Да. Вы вручную установили иглы в крайнее нижнее положение. Но это же вызвало потерю тяги у земли?

– А вот тут для взлета требуется некоторая квалификация, согласен. Но не запредельная, тот же Полозов справился бы не хуже.

Я достал из бара пару бутылок пива.

– А теперь предлагаю поговорить более душевно. Пиво будете? Так вот, вы очень хороший командир. Но чтобы стать отличным, вам не хватает одного небольшого, но важного умения – в случае необходимости быстро находить нестандартные решения. Если бы вам кто-нибудь предложил такую идею, вы бы сказали «по уставу не положено» или распорядились бы проверить, насколько это реально?

– Распорядился бы проверить...

– Вот и я про то же самое. Не стесняйтесь спрашивать совета у подчиненных. Отметьте среди них тех, кто говорит дело, и почаще с ними общайтесь. Если есть возможность, вам не помешал бы в ближнем окружении некий «генератор идей» – человек, мнение которого во многом не совпадает с общепринятым.

– У меня есть на примете такой человек, – улыбнулся чему-то своему Михаил, – и я обязательно последую вашему совету.

А на следующий день прилетел Гоша.

– Макаров разрабатывает теорию минной атаки, – сообщил он. – Дядя Алексей ходит гоголем и уже поинтересовался, кто будет командовать на Дальнем Востоке... А ты, конечно, теперь с сознанием собственной правоты начнешь резать по живому. Кого решил обездолить?

– Бородинцев. Нефиг эти утюги спешить достраивать к войне, финансирование надо урезать до уровня, при котором не будет сокращений на строящих их заводах, и все. А владивостокский отряд крейсеров я предлагаю малость поддержать деньгами и усилить количественно. Во-первых, не дарить «Варяг» японцам, обойдутся. И «Свету» с «Аскольдом» туда, вот примерно так.

– Дядя Алексей вполне может и не захотеть расставаться со своим крейсером, – заметил Гоша.

– И пусть не расстается, зря, что ли, ему каждый вечер сказки про Блада читают? Я тут на днях еще «Хроники» напишу, если не лень будет.

Глава 9

*Из дневников лейтенанта РИФ М.Н. Беклемишева
12.10.1902 г.*

Спуск на воду несколько задержался по причине устранения обнаруженных экипажами и контролерами недоделок. Задержка вызвала сильное недовольство со стороны ВК, так как нарушала некие его планы. Однако, все же это событие состоялось сегодня в полдень. Все сильно устали, оркестр отсутствовал по соображениям секретности. Построились в парадном. Речь ВК Георгия Александровича была содержательна, но кратка. Впрочем, речь г. Найденова была еще короче – он сказал «мы строили, строили и наконец построили, ура!» – и все. Госпожа М.А., одетая в очень красивое, хотя, на мой взгляд, несколько легкомысленное белое платье, чрезвычайно ловко разбила бутылки «бабули Клико» о форштевень «Рака», а затем «Краба». И вот наконец кораблики кормою соскользнули со стапелей в воду, один за другим. «На флаг и гюйс! Смирно!» Над кораблями взлетели Андреевские флаги. Матросики с великим воодушевлением радостно орали «ура» и кидали в небо бескозырки. Рабочие верфи с неменьшим энтузиазмом швыряли туда же картузы, офицеры отдали честь, обнажили головы и крестились. Специально привезенный ВК батюшка отслужил молебен и благословил корабли на «подвиг ратный». Теперь портовые сдаточные испытания... и на волю! В моря! Но сегодня – праздник!

Вечером ВК дал в городе бал. Разумеется, паркет в свете электрического освещения сверкал по совершенно отвлеченному поводу. Присутствовали все офицеры подплава. Шампанское, вальсы, барышни на выданье и их мамы... было очень провинциально и очень мило. Потом был уютный небольшой ресторанчик, снятый только для своих. Выпивали, пели. М.А. исполнила под рояль очень забавный романс о том, что – «кто же знал, что в далеком девичестве, Вы метали на дальность ядро!» Эмансипэ! Но бесконечно обаятельна!

Нижним чинам на выбор – трезвая увольнительная или погулять в расположении, в своем кругу. Матросики успели и тут и там. Сначала трезво провернули механизмы в местных бардачках, затем приятно подвыпили в казарме. Хором пели народные и морские песни. Опять никаких неприятных случаев. Несколько даже удивлен! Приятно удивлен, господа!

17.10.1902 г.

Акты подписаны! Погода резко испортилась, туман, осенний затяжной дождь, холодный ветер. Низкая видимость. Каждый механизм опробован, машины провернуты. Корабли строителями сданы, а экипажами приняты. Я, приказом ЕИВ ВК Г.А., назначен командиром отряда «миноносцев специального назначения». Теперь ходовые испытания.

Продукты на борту. Учебные торпеды и мины приняты. Топливные, масляные и питьевой воды цистерны заправлены полностью. По Днепру за две ночи вышли в Черное море. Вахта вела корабль, подвахта старательно изучала устройство, инструкции и наставления по работе с механизмами. После ходовых испытаний и учебных торпедных стрельб, а также учебной постановки мин опять предстояла сдача зачета. С морковкой или розгами! В зависимости от результата. Впереди нас шли миноносцы из Севастополя, разгоняя всех с фарватера. Негромко и как-то уютно даже урчат тринклеры. Поначалу в лодку прорвался выхлоп с левого мотора, однако «духи» быстро с неисправностью справились. Теперь лодка заполнена только запахом горячего машинного масла и... И придется экипажу научиться правильно пользоваться гальюном!

Корабль превосходно слушается рулей. Днем стояли под РДП и перископами, под охраной тех же миноносцев, легко отрабатывая против течения. Днепр – великая река! И достаточно глубокая. Таким образом, даже с миноносцев нас разглядеть бы не удалось. Мы же отлично их слышим с гидроакустического поста. А вот «Краб» слышен весьма неотчетливо, акустики часто его теряют. Как бы еще навестриться точно определять дальность? Эхолот рабо-

тает великолепно! Кстати, Анатолий отлично слышит наш «пинг» и его прибор выдает точное расстояние между лодками. Как, впрочем, и наш до него. Есть о чем подумать...

Выйдя в море, мы простились с миноносцами, нырнули на перископную глубину и пошли под РДП на 5 узлах к точке randеву, где нас ожидало судно обеспечения «Полтава». Вышли точно. Услышали его задолго до того, как увидели. Говорили с Анатолием по радио, он предложил метод триангуляции целей с помощью двух лодок. На самом деле все просто. Зная свое место и место напарника, сообщаем полученный акустический пеленг на цель друг другу, на карте делаем прокладку, и вот он, голубчик! Пара таких определений, и мы имеем курс и скорость цели. Вычисляем точку randеву, обусловленную скоростью цели и нашими ходовыми возможностями и... Пожалуйста бритаться, басурмане, вы в радиусе досягаемости наших торпед! Полагаю, лодки в боевые походы должны ходить парами...

М.П. перебрался с «Краба» к нам на «Рака». Мы начинаем первыми. Мерная миля не порадовала. Двенадцать узелков вместо расчетных пятнадцати... Расход топлива резко возрастает, а дальность, соответственно, резко падает! М.П. недоволен. Я тоже... На аккумуляторах в полностью погруженном положении – проектные 8 узлов! Под РДП... Под РДП случилась первая авария. За шестью узлами началась сильная вибрация трубы РДП, затем разрушение поворотного запорного клапана. Началось поступление забортной воды в лодку. Пришлось пробкой выскочить на поверхность. Осмотр показал, что узел деформирован, вышел из строя полностью, к дальнейшей эксплуатации непригоден и требует замены. В течение семи часов произвели замену узла крепления РДП. М.П. предложил дополнить конструкцию РДП внешним кожухом с обтекаемой формы сечением, что по идее должно было также увеличить и жесткость конструкции. Он предположил, что это усовершенствование позволит достичь проектной скорости. При помощи судна обеспечения, на котором располагалась прекрасно оборудованная мастерская, необходимые изменения были выполнены.

На следующей попытке мы легко вышли на 9 узлов! В подводном положении большего хода мы достичь не смогли даже под тринклерами на самом полном ходу. Однако наша скорость экономического хода определена в шесть узлов. На шести узлах вибрации РДП не наблюдается совершенно. В остальном же устройство, при волнении до пяти баллов, работает вполне удовлетворительно. Запирающий клапан срабатывает штатно. При этом в лодке быстро падает давление воздуха, «поедаемого» тринклерами, и всем закладывает уши. С этим придется мириться, если инженеры ничего не придумают.

Испытание погружением на предельную расчетную глубину лодка выдержала успешно. Все лишние люди были высажены на «Полтаву», оставлена только вахта сокращенного состава, только на самых необходимых постах. М.П. настойчиво требовал своего участия в погружении, но был мною удален с борта в приказном порядке. И обиделся на меня – совершенно напрасно! Лейтенантов Беклемишевых на РИФ – как собак нерезаных, а вот рисковать Налетовыми, которых ровно один штук, Россия себе позволить не может! Когда я разъяснил ему, что дело не в его личной смелости, а именно в его уникальности, М.П. был вынужден со мною согласиться.

Мы медленно шли вниз, отсчитывая каждую полусажень, внимательно наблюдая за всеми опасными местами. Достигнув 25 саженей, я приказал дать полный ход, рули глубины на всплытие и продуть балластные цистерны. С дифферентом на корму в 14 градусов и ходом 8 узлов лодка выскочила на поверхность, как какой-то кашалот! Мой чиф заявил, что подплаву пора обзаводиться традициями, и вынудил всех участвовавших в погружении выпить забортной водички по целому плафону от светильника. Доказав личным примером! Пришлось тоже принять свою долю. Однако! Господа конструкторы могли бы выбрать плафоны и поменьше объемом! Все-таки полтора литра морской водички чем-то заметно отличаются от полутора литров пива! За один присест! Без отрыва!

Осмотрев все подозрительные места, заменили пару сальников и снова пошли на глубину. Где провели на этот раз часа три, испытывая разные ходовые режимы и маневренность лодки. Испытания прошли штатно. Потом испытание предельной глубиной прошел экипаж в полном составе. И 5 человек пришлось списать с кораблей оттого, что при погружении испытывали совершенно неуправляемый приступ клаустрофобии. Матроса Ивлева даже пришлось выдернуть за штаны из боевой рубки и связать, так как он непременно желал «выйти наружу» и никаких уговоров слушать не хотел. Да, разумеется, это страшно, когда лодка идет вниз и, сжимаемая давлением, тоскливо скрипит всем набором, как будто жалуется на непосильный груз. Да, некоторое волнение испытываешь при каждом погружении, однако все быстро проходит. К этому следует просто привыкнуть... Иначе никак. На четвертом погружении «показали» М.П. Давно я не видел более довольного человека!

Испытания на скорость погружения оказались успешными. Лодка уходила на перископную глубину за одну минуту. Если потренировать экипаж, то время погружения пожалуй еще более сократится. Так нас и 30-узловые миноносцы «без штанов» не поймают...

29.10.1902 г.

Подводя первые итоги, мы признали ходовые качества лодок удовлетворительными.

Следующая часть – испытания на боевое применение – в первую очередь минные постановки.

Вышли на полигон и провели испытание. По 10 мин выставили из надводного положения на экономической скорости, мины вышли штатно. Еще по 10 мин – на полном ходу. Без замечаний. На экономическом ходу с перископной глубины мины выбрасывались вполне правильно с должными промежутками, никаких изменений в крене и дифференте не наблюдалось. То же и на полном ходу. В завершение выставили мины с глубины 20 саженей. Опять на разных ходовых режимах. Механизмы работали удовлетворительно, и мины встали правильно.

Провели испытательные стрельбы, сначала правым аппаратом, затем левым, потом перезарядили аппараты в подводном положении. Перезарядка заняла 20 минут. Отстрелялись по кораблю-мишени, идущему на 10-узловой скорости учебными торпедами без боевого заряда. Из четырех выстрелов – четыре промаха! Пузырьковый след торпед ни разу не прошел под корпусом цели. Промазали обе лодки. По результатам испытания вскрылись недостатки:

1. При выстреле в подводном положении лодка демаскируется большим воздушным пузырем, так как торпеда выстреливается из аппарата сжатым воздухом.

2. Вследствие торпедного выстрела лодку выносит на поверхность. А это позволит противнику атаковать лодку противоминной артиллерией.

Решение было тут же предложено инженером Найденовым. Его предложение использовать для вывода торпеды из ТА не сжатый воздух, а движущийся в торпедном аппарате поршень под давлением закачиваемой воды, конечно требует переделки ТА, однако полностью избавляет от проблемы воздушного пузыря и нарушения дифференцировки лодки вследствие выстрела, так как масса торпеды замещается водой.

Таблицы для построения торпедных треугольников недостаточно обеспечивают точность выстрела. Прицеливание осуществляется корпусом лодки. Расчет вручную слишком запаздывает. Найденов и Налетов пообещали подумать над этим, однако скорого решения ожидать не приходится. Попытаемся повысить точность торпедной стрельбы тренировками. А пока принято решение стрелять торпедами только по стоящим судам или имеющим скорость не более четырех узлов с минимально допустимой дистанции в три кабельтова.

Наконец, завершив испытания, взяли курс на Балаклаву, где строится секретная черноморская база подводных лодок. Нам разрешен небольшой отпуск. Обсуждали с М.П. практическую сторону минных постановок. Несколько обескураживала конструкторская недоработка – все приготовления мин для постановки (установка глубины, запальных стаканов и так далее)

могут быть выполнены только в порту, так как после приемки мин в надстройку заградителя к ним уже невозможно подобраться. И если, предположим, глубины в указанном для постановки месте не соответствуют выставленным на берегу... Что прикажете делать? Искать другое? В сторонке. Где глубины соответствуют... а корабли не ходят! Озадачился М.П. отчаянно. Ушел с ЦП в носовой, весь пребывая в задумчивости. И не выходил до самой Балаклавы.

Заходили в порт по очереди, уже ночью, под РДП, следуя за буксиром самым малым ходом. Там в конце залива были уже подготовлены временные закрытые доки, в которые корабли и зашли, ориентируясь на специальные синие фонари. Команды получили премию и недельный отдых на берегу.

09.11.1902 г.

Отлично провели отпуск в Севастополе. К нашему приезду минные шахты «Рака» и «Краба» были усовершенствованы – в них сверху были прорезаны отверстия, приварены откидные люки и сделалось возможным задавать углубление мин в надводном положении лодки. Изрядная гора с плеч. Погода налаживается, ветер стих до двух баллов. Матросики после отдыха на берегу повеселели и горят рвением. Подписали акты проведенных ремонтных работ. Никаких серьезных неисправностей выявлено не было. Все механизмы кораблей отличаются высоким качеством исполнения. ВК Георгий Александрович хорошо платит, однако и требует сурово! А у нас все больше укрепляется уверенность в своем корабле. Не потонем с божьей помощью посреди моря-окияна!

Перед рассветом вышли в море на учебную минную постановку. Район охраняют наши севастопольские друзья-миноносники. Наша задача – провести минирование подходов к Севастополю учебными минами и избежать обнаружения. Очень непростая задача. Сами по себе миноносцы особой опасности для нас не представляют, так как они хорошо слышны даже стоящие на якоре. Наши акустики прозвали их погремушками, настолько шумно работают машины. Однако помешать нам они могут.

Перед выходом посидели над картами и лощиями. Продумали порядок постановки мин. Первым идет «Краб». Мы идем на два кабельтова мористее. Небо чистое, контролируем курс и место по пеленгам на входные маяки и звезды. Гладко было на бумаге. Туман случился в полном соответствии с планами условного противника. И тут нам помогли два стоявшие на якоре миноносца, освещавшие прожекторами район постановки. Мы успели пометить их место на карте. И, ориентируясь на них, как на своеобразные маяки, с помощью шумопеленгаторов контролировали свое место. Теперь туман был на нашей стороне. Еще два миноносца патрулировали квадрат постановки на малом ходу и вполне могли протаранить нас, поэтому мы погрузились на 10 саженей.

Вышли на боевые курсы и приступили к постановке. Глубина выставлена на одну сажень, для противодействия попыткам траления. Пройдя 5 кабельтовых, я выставил три десятка мин и застопорил электромоторы. Дал «Крабу» свое место эхолотом. Анатолий обошел «Рака» по дуге и занял позицию для следующей постановки, тоже подтвердив готовность «пингом». Теперь моя очередь занимать позицию. Пройдя обратным ходом, выставили параллельно оставшиеся три десятка мин, закрыв таким образом вход в Севастополь четырьмя нитками «рогатой смерти». Взяв курс 300, отошли на милю мористее. Вскоре мины всплыли на установленную глубину и встали на боевой взвод. Долго ждать не пришлось – один из патрулировавших миноносцев задел мину, и столб оранжевого сигнального дыма подтвердил факт его условного утопления.

Удовлетворенные достигнутым результатом, мы отошли подальше, всплыли на перископную глубину, подняли перископы и РДП. И пошли на полигон для учебных торпедных стрельб. По неподвижной цели попали одной торпедой, вторая прошла мимо по причине непогашенной инерции при выходе на боевой курс. Черкасов попал обеими торпедами. Перезарядились

и снова произвели атаку. И снова четыре промаха. По неподвижной цели... Учиться нам еще и учиться.

В скверном расположении духа пошел на базу в Балаклаву. На подходе сломался указатель глубины и упрямо утверждал, что мы идем на 50 саженях, хотя я прекрасно видел в перископ закат.

Глава 10

Папка с надписью «Граф Ц» пухнет прямо на глазах, подумал я. Несмотря на возраст, энергии Цеппелину было не занимать. За короткое время он организовал несколько АО, объединенных в концерн «Цеппелинфлюгунтернеймен» – ничего так себе словечко, даже почище нашего «высокопревосходительства». Впрочем, лично мне вполне хватало букв ZF. Ударными темпами строился моторный завод, на котором должны будут выпускаться еще пока не готовые, но твердо нами обещанные авиационные тринклеры. Уже существовали две коммерческие авиалинии: Берлин – Вена и Берлин – Амстердам, причем эту открывал сам кайзер, а еще десяток были в процессе организации. В шахтах недалеко от российской границы потихоньку начиналась добыча гелия.

Граф не пытался приписать все заслуги себе – наоборот, редкое его публичное выступление обходилось без упоминания принца Георгия и инженера Найденова, мне даже дали какой-то немецкий орден, а у Гоши и до того их было несколько штук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.